

Максим Михайлов

*Моя правда на острие
ножа...*

**Песня
Северного Ветра**

Максим Михайлов

Песня Северного ветра

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28768365

Аннотация

Хочешь рассмешить Бога? Расскажи ему о своих планах на завтра... Судьба играет человеком, причудливо тасуя карты его ожиданий, поступков и мыслей. Возможны самые невероятные коллизии. И вот бывший офицер ФСБ, искалеченный на Кавказе, в мирной жизни встречает тех самых людей против которых вел непримиримую войну. И на этот раз встреча происходит не в диких горах, а на улицах его родного города. Жизнь сделала очередной поворот и теперь вчерашние террористы и их земляки превратились в успешных, влиятельных людей сумевших потеснить коренных жителей, отвоевав у них место под солнцем.

Илья Мещеряков больше не носит погоны, его не защищают должностные в солидной конторе и удостоверение оперативника. Теперь он просто школьный учитель, но мириться со сложившимся положением он не согласен.

Здесь и начинается песня Северного ветра...

Содержание

Пролог	4
Три порыва «Северного ветра»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Максим Михайлов

Песня Северного ветра

*Раньше ты был в стороне, не против и не за,
Но однажды Старший Брат тебе открыл
глаза...*

Песня группы Ария «Тебе дадут знак»

Пролог

Яркое солнце ударило по глазам, ослепило, заставляя зажмуриться, вспыхивая под веками разноцветными вспышками, режущими, вызывающими боль. Сейчас надо было секунду постоять с закрытыми глазами, дать возможность зрению адаптироваться, привыкнуть... Однако стоять ему не позволили. Грубый рывок за плечо заставил шагнуть вперед. Босая нога, напоровшись на острые мелкие камни, отозвалась болью. Боль. Опять боль... В последнее время она уже стала привычным для него состоянием... Тупо ныли отбитые, похоже сломанные в нескольких местах ребра. Каждый глоток холодного горного воздуха, схваченный вспухшими воспаленными губами, отзывался пронзительным стоном расколотых в крошево передних зубов. Кружилась и жарко пульсировала болью голова. В рванном дерганом ритме напоминал о себе сплюснутый в блин, в нескольких ме-

стах переломанный нос.

– Иди, давай, да! Билять, скимаузе!

Гортанный голос с неистребимым горским акцентом ударил в уши, звуки горохом рассыпались в пустом, пылающем болью черепе. Бессмысленной чечеткой простучали мимо сознания, не вызвав в нем никакого отклика. Он так и не двинулся бы с места, но одним грозным окриком говоривший не ограничился. Добрый пинок по копчику, буквально подбросил человека в воздух, заставив сделать еще несколько заплетающихся шагов вперед.

– Пощель, ишак ибанный! Пощель!

Он с усилием разодрал слипшиеся веки, сквозь узкие щели заплывших глаз, глянув на окружающий мир.

Мир оказался так себе... Бывало и лучше...

Прилепившийся к крутому горному склону аул. Скособо-ченные мазанки местной бедноты, каменистая тропинка, узкой змеей выющаяся между ними, вьезшийся в воздух непередаваемый аромат овечьей шерсти, кизяка и кислого сыра и невыносимо яркое небо над головой, густо-синее с белыми проплешинами легких облаков.

– Че встал, э?! Иди, да!

На этот раз удар тяжелого армейского ботинка пришелся в бедро и чуть не сбил его с ног. Да, задерживаться, осматривая местные достопримечательности, явно не стоило. К тому же и смотреть особо здесь не на что. Видели, и не раз... Все глухие горные аулы устроены здесь одинаково: утоптан-

ная до каменной твердости тысячей ног, а то и мощенная булыжником центральная площадь, вокруг которой стоят дома зажиточных селян и дальше расходящимися лучами кривые узкие улочки, на которых живут горцы попроще. Ничего интересного. Если видел один такой аул, считай, что видел все.

Припадая на только что ушибленную ногу, человек сделал несколько неуверенных шагов вперед.

– Ай, маладец, ишак! Иди, иди, да!

Человек исподтишка оглянулся, вроде бы случайно, а на самом деле желая получше разглядеть своих конвоиров. Мало ли, вдруг пригодится зачем-нибудь... Зачем это может пригодиться, он, честно говоря не представлял... Но взгляд назад все же кинул... Прежний свой взгляд... Тот, которым привык смотреть совсем в другой жизни... Цепкий, внимательный, тренированный на мгновенное вычленение и анализ любых, самых незначительных и мелких деталей...

Их оказалось двое, шли, отставая от него на шаг, справа и слева, рослые, уверенные в себе, с ног до головы увешанные оружием. Отчего-то конвоиры живо напомнили человеку его самого всего месячной давности. Ведь он тоже, наверное, выглядел именно так. Или по-крайней мере казался таким жителям подобных же населенок куда приезжал, картинно сидя на броне, широко расправив плечи, глядя на всех сверху вниз сквозь непроницаемые стекла обязательных темных очков, по-суперменски перекатывая во рту зажатую в зубах спичку.

Эти спичек во рту не держали, видно не были почитателями голливудской киноиндустрии. Зато на головах у обоих красовались широкие зеленые повязки с шитой золотом арабской вязью. Человек не понимал арабского, но знал, что на повязках вытканы тексты сур из Корана. У того, что шел справа от него, текст даже показался знакомым. Да, точно. «И сражайтесь с неверными, пока не будет больше искушения, а вся религия не будет принадлежать Аллаху», 2-ая сура, 189-ый аят. Очень популярная надпись, не раз встречалась на подобных же зеленых платках. На платках изорванных и обгоревших, перепачканных бурыми пятнами засохшей крови...

Когда-то человек читал Коран, в русском переводе, конечно, и даже мог пересказывать некоторые из сур наизусть. Не то чтобы он интересовался исламом, просто этого требовала его работа. Та самая работа, из-за которой он оказался сегодня в забытом Богом и людьми ауле в недоступной горной крепости, избитый и плененный врагами. Что ж, пошел на войну по голову чужу, и свою не забудь...

Заплетающиеся на каждом шагу ноги с трудом нащупывали дорогу. Выгадывая куда наступить, он пытался уберечь босые ступни от острых камней и щебня, но получалось плохо. Один из конвоиров, высокий бородач, заросший до самых глаз, что-то неодобрительно ворчал себе под нос, каждый раз, когда человек спотыкался. Было видно, что он торопится довести пленника до нужного места и вынужденные

задержки его нервируют. Однако помочь, поддержать шатающегося от слабости врага он даже не думал. Наоборот, глядел с ненавистью, едва сдерживаясь, чтобы не ударить, гоня вперед. Но не бил, и на том спасибо.

Слева с деланным равнодушием шагал совсем молодой, с едва пробивающейся на подбородке щетиной, парень. Вроде бы даже не смотрел ни на пленного, ни по сторонам. Но сразу было видно – горд своей ролью до невозможности. Это легко читалось по нарочито расправленным плечам, задранному вверх подбородку и небрежной, но тщательно выверенной походке с картинно перехваченным под локоть автоматом. Молодой, красуется перед самим собой, и перед односельчанами... Как же, воин Аллаха, настоящий боевик, в будущем возможно даже шахид. Чем не повод для гордости?

Человек вздохнул про себя. Он перевидал таких мальчишек не один десяток. Таких же гордых и заносчивых... Искренне считавших, что презирают боль, не боятся смерти, а значит не боятся вообще ничего... Он умел их разубеждать, умел ломать, и делал это легко, походя, как ломается сухая ветка, под тяжелым армейским ботинком... Сегодня ломать будут уже его самого... И похоже ломка начнется как раз сейчас...

Он снова вздохнул, решив про себя, что скажет сразу и все, что только захотят знать боевики. Играть в героя, никакого смысла нет. Он был профессионалом и точно знал, что при правильно организованном допросе говорят все. Только

одни при этом остаются целы и даже относительно здоровы, а другие превращаются в визжащие от боли полубезумные куски мяса. Боли он не хотел, не хотел пыток и унижений... К чему терпеть лишние, ничего не меняющие в общем итоге страдания?

Тропинка между дворами стала заметно шире, а вскоре до него донесся и шум голосов. Похоже цель пути близка. Точно. За углом очередного глухого забора показались люди. Много. Они стояли вдоль улочки и дальше, заполняя сельскую площадь. По краям похожие в глухих черных платьях на ворон женщины. Вокруг них шныряет шустрая малышня. Дальше виден камуфляж и папахи мужчин. Пятнистая армейская роба здесь давно уже стала традиционной одеждой, почти национальным костюмом. Для мужчин разномастный камуфляж, для женщин – черные мешковатые платья до пят и прикрывающие волосы платки.

– Эй, урус!

Он обернулся на окрик, подивившись еще тонкому детскому голосу, и тут же в грудь ему ударился камень. Брошенный слабой рукой шести-семилетнего пацана метательный снаряд особого вреда не причинил. Сам метатель скорчил ему страшную рожу, прячась при этом на всякий случай за материнской юбкой. Человек лишь слабо усмехнулся, глядя, как мать погладила сына по голове, полностью одобряя его поступок. Еще один джигит, чуть постарше, поймав его взгляд, заулыбался во весь рот, чиркнув несколько раз себя

ребром ладони по горлу. Универсальный жест, понятный сегодня на Кавказе всем. Он не раз видел, как таким же красноречивым образом провожала молодежь их проезжающий мимо БТР. Что ж, многократное пожелание, похоже, сбывается.

Толпа становилась все гуще. Вскоре старший конвоир вынужден был уже идти впереди, проталкиваясь сквозь плотные ряды селян, уговаривая их расступиться. Человек шел сразу за ним. Шел опустив голову в землю, чтобы не видеть ненавидящих, полных злобного торжества взглядов. Он старался держаться как можно плотнее к затянутой в турецкий камуфляж спине бородача. Шагал вперед, не обращая внимания на крики, пинки и щипки исподтишка. Какая-то морщинистая старуха, подобравшись вплотную несколько раз плюнула ему прямо в лицо густой, вонючей слюной. Никто не останавливал ее, наоборот, вокруг одобрительно галдели. А он все шел, не смея даже поднять руку, чтобы стереть со щеки теплую отвратительно пахнущую слизь. Шел, думая лишь о том, что если отстанет от бородатого хоть на шаг, его просто разорвут здесь в клочья. Разорвут голыми руками, такой силы заряд концентрированной ненависти бил в него от стоящих рядом селян.

Наконец они вывалились из плотных объятий толпы на середину площади, оказавшись на вымощенном булыжником пятачке метров пятнадцати в диаметре. В центре этого свободного пространства стояла огромная деревянная колода,

из тех, на которых мясники разрубают туши свежезабитых животных на годные к продаже или готовке куски. Человек со страхом покосился на колоду. Оценил глубокие зарубки на ее пропитанной кровью, утыканной мелкими осколками костей поверхности. Зачем здесь этот чурбак? Что они задумали? В том, что появление этого мясницкого инструмента на площади напрямую связано с ним, он ни минуты не сомневался. Неужто решили отрубить голову? Не похоже на местные обычаи, хотя с этих уродов станется, любят, сволочи театральные эффекты. Вон и топор здоровенный с зазубренным, проржавевшим от времени и чужой крови острием прислонен рядом.

– Что ж, не самый плохой вариант, – неожиданно холодно и отстраненно, будто и не о себе вовсе, а о ком-то чужом, постороннем, подумал человек. – Особенно если сумеют отрубить с одного удара. Могли и чего похуже придумать, затайники...

В том, что фантазия у местных в этом направлении работает как надо, он имел случай лично убедиться не один раз. Навидался за время командировки всякого. В том числе и трупов. Самых разных... Были среди них и «нехорошие»: с содранной заживо кожей, удушенные собственными же кишками, оструганные, словно отточенный карандаш... Любили ублюдки поизгаляться, особенно когда время позволяло... Так что вариант с отрубленной головой на фоне этих изысков мог справедливо считаться почти удачей. Чел-

век криво усмехнулся этой мысли, такой неуместной и глупой в обычной жизни, и такой неожиданно правильной и актуальной сейчас в этом кошмарном, вставшем с ног на голову параллельном мире.

Его ухмылка, как ни мимолетна и слаба она была, незамеченной не осталось. Толпа взревела звериным воплем ненависти. Угрозы и проклятья взлетели к бездонному синему небу. Потянулись вверх скрюченные будто когти пальцы, поднялись над головами сжатые кулаки, вздернулись губы, открывая волчий оскал зубов... «Нет, это не люди... Люди не могут быть такими... Это какие-то дикие, злобные твари, принявшие по недоразумению человеческий облик, – думал пленник, глядя на беснующуюся толпу. – Люди не могут быть такими... Не могут так ненавидеть... Ладно мужчины, бойцы, видевшие смерть, терявшие друзей... Но здесь их совсем мало... Эти покореженные злобой, перекошенные лица в основном женские, детские... Что стало ними? Почему они такие? Ведь так не может... Не должно быть...»

Удар под колени сбил его с ног, заставил ткнуться лицом в теплые, нагретые солнцем камни. Так было даже лучше, теперь он не видел бушевавшей над ним злобы, не чувствовал кипевшей на площади мутной жажды крови, его крови... Он мог бы так пролежать целую вечность, вжимаясь щекой в ласковое тепло гладкого выпуклого булыжника. Лишь бы не вставать, лишь бы не видеть... Однако долго пролежать лицом вниз ему не дали. Сильный рывок за ворот куртки

вздернул его на четвереньки. Толпа взревела вновь. Но на этот раз одобрительно и торжествующе. А потом его поволокли к колоде. Или теперь правильное было называть этот деревянный чурбак плахой?

Он не сопротивлялся, понимая всю бесполезность этой затеи. Все было ясно с самого начала, еще тогда, когда его только вели на эту запруженную селянами площадь. Странно, конечно, обычно, таких как он, в плену не убивали. За таких пленников можно было получить неплохой выкуп, или, на худой конец, обменять их на попавших в руки местной милиции, или федералов боевиков. Причем менять можно было достаточно выгодно: одного на пять-шесть человек... Так что любой здравомыслящий полевой командир не стал бы расходовать столь ценную добычу на такую глупость, как публичная казнь. Но то здравомыслящий, тот что воюет с оглядкой, умеет превратить войну в выгодный для себя и своих людей бизнес... Таких, конечно, большинство, но есть ведь еще реальные фанатики из непримиримых. Тем плевать на деньги, плевать на чужие жизни, плевать на жизнь собственную... Их ведет одна только ненависть к неверным, и для таких он вовсе не выгодный товар, а просто враг, которого надо уничтожить. А если учесть общую восточную страсть к спецэффектам и разным постановочным действиям, то и удивляться нечего. Выходит не повезло... Что ж, в таком случае остается лишь умереть достойно, смеясь в лицо врагам и костлявой старухе с косой.

Но это лишь на словах выглядит легко и просто. Когда его бесцеремонно бросили грудью на пропитанную запекшейся кровью густо пахнувшую ею прямо в лицо колоду, человек едва удержал в груди рвавшийся из самых глубин естества крик ужаса. Нет, не хочу! Не надо! Молодое сильное тело само собой корчилось в судорогах, отчаянно протестуя, не желая смириться с уготованной участью. И он ничего не мог с этим поделать, мышцы сокращались против его воли, бессмысленно, бестолково. Кто-то навалился ему на спину, прижал коленом шею, втискивая лицом в выщербленную многочисленными ударами топора древесину. Сам топор он тоже видел прямо перед собой. Точнее не весь топор, а только его темную, отполированную мозолистыми ладонями до матового блеска рукоять. Толпа вновь заревела гневно, нетерпеливо. Толпе хотелось зрелища, хотелось страданий, крови... Его крови...

Крепкая ладонь, густо поросшая жестким черным волосом, умело обхватила топориче, вздергивая его вверх, убирая из поля зрения. Одновременно ослабла давящая на шею тяжесть, и он смог поднять голову, обведя взглядом беснующихся прямо перед ним людей. Человек не ждал от них сочувствия, не ждал милосердия, но та концентрированная злоба, то мрачное торжество, что ударили ему в лицо, опалая жаром неизбывной ненависти, все равно оказались страшнее, чем он предполагал. В их глазах он читал свою смерть, смерть лютую, неминуемую. В оскаленных зубах, в тянущих-

ся к нему скрюченных пальцах была неутолимая злоба, желание уничтожить его, разорвать на куски... Пощады не будет! И этот удар чужой коллективной ненависти внезапно отразился в нем, как в зеркале, взрываясь внутри упругим огненным шаром, наполняя мышцы горячей живой кровью, вытесняя, гоня прочь липкий страх. Он больше не боялся их. Он был уже за гранью бытия, и напугать, задавить его волю стало теперь невозможно.

– Будьте вы все прокляты! – голос еще не давался, хрипел надрывно, но вскоре прорвался, взлетая ввысь, набирая обороты, перекрывая вой толпы. – Будьте прокляты! Я отомщу! Я вернусь сюда даже из ада! Я вернусь...

Полновесный удар носком ботинка в лицо заставил его захлебнуться, глотая зубное крошево. Но не заставил молчать. Разорванные в лохмотья губы вновь открывались, выталкивая наружу вибрирующие гневом и предельной ненавистью слова. Его торопливо сдернули с колоды, придавили к земле, вывернув правую руку, вытягивая ее на мокрое трухлявое дерево. В спину уперлись сразу несколько человек. А кто-то наступил ногой ему на затылок, вдавливая голову в брусчатку, не давая продолжать говорить. Он все равно хрипел из последних сил что-то матерное, сыпал угрозами и проклятьями, но теперь его уже никто не слышал. Никто кроме нескольких боевиков, удерживающих его тело в покорно согнутом положении.

Полевой командир – высокий, стройный горец с правиль-

ными чертами лица, облаченный в щегольский натовский камуфляж сделал нетерпеливый жест. Наказание неверного теряло свой пропагандистский эффект. Вместо того чтобы показывать силу и удаль, куражась над беззащитным и испуганным до смерти врагом, моджахеды бестолково суетились, не умея втроем удержать одного жалкого избитого пленника. Не стоило длить этот позор дальше, пора заканчивать.

Тот самый бородач, что конвоировал по дороге сюда пленника, ловко перехватил в натруженной мозолистой ладони мясницкий топор и коротко почти без замаха рубанул по вытянутой на колоду руке неверного. Даже сквозь гул толпы пробился глухой звук удара. Покрытая грязными разводами ладонь несколько раз конвульсивно вздрогнула пальцами и осталась лежать на колоде. Черная кровь сильными толчками хлынула из перерубленной руки пленника. Тот взвыл и отчаянно задергался под навалившимися на него моджахедами. Еще один повелительный жест главаря, и бородач потянул из кармана разгрузки розовый медицинский жгут...

Человек был прав, таких как он, в плену не убивали. Какая выгода с трупа? Даже если это труп офицера ФСБ... За последние годы на Кавказе трупы перестали быть чем-то особенным, из ряда вон выходящим... Их тут теперь как грязи, всяких: солдатских и офицерских, опознанных и безымянных... Кому они нужны?

Совсем другое дело живой пленник. Он может на многое согдиться... А две у него при этом руки, или одна, это всего

лишь детали... Причем не слишком существенные...

Три порыва «Северного ветра»

Ведьма оказалась вовсе не такой, как на фотографиях, что показывал накануне Варяг. Если уж совсем честно, то Андрей едва узнал ее, даже мелькнула, было, робкая мысль о возможной ошибке. Впрочем, оно и не удивительно, женщину снимали на улице, на выходе из салона черной магии, в тот момент, когда на ней была уже самая обычная одежда, а не эта колдовская униформа. Да и беспощадный дневной свет не шел ни в какое сравнение с пронзенным неверными огнями свечей полумраком, придающим сейчас всему происходящему дополнительный ореол таинственности и мрачного очарования. Надо сказать, в обстановке унылой повседневности колдунья значительно проигрывала своему «рабочему» образу. Андрей нерешительно замер на пороге, исподтишка разглядывая сидящую за столом женщину. Ее густые темные волосы цвета воронова крыла падали на узкие плечи тяжелыми волнами. Обнаженные почти до локтей бледные тонкие руки с неестественно длинными, покрытыми черным лаком ногтями на фоне мореного дерева столешницы казались выточенными из благородной слоновой кости. Глубокие и влекущие к себе, будто ночные омуты глаза, в которых плясали отблески пламени свечей, смотрели прямо на него, проникая, казалось, в самую душу, гипнотизируя, подчиняя и подавляя.

Нет, решительно, ведьма, свободно раскинувшаяся напротив него в кресле с высокой резной спинкой, ничуть не походила на собственную бледную тень, что ссутулившись и пристально глядя под ноги, шла среди пестрой уличной толпы на сделанных Варягом фотографиях. И все же это была она. Никаких сомнений, теперь он ясно видел это.

– Здравствуйте. Вы ведь Аделина?

В горле неожиданно пересохло, и голос прозвучал неловко и сипло, еще и предательски дрогнув в конце фразы поднимающимся изнутри волнением. От того вроде бы обычный вопрос даже самому показался нелепым и вымученным. Кровь разом бросилась к щекам, и Андрей мысленно поблагодарил Бога за то, что в помещении практически темно, меньше всего ему хотелось бы обнаружить перед этой женщиной смущение и неуверенность. У воина света не было такого права перед лицом создания тьмы.

Несколько секунд она молчала, все так же пристально разглядывая его сияющими неземным отсветом звезд глазами. Этот неестественный блеск сбивал с толку, мешал прочесть прячущиеся за ним мысли, чувства, просто настроение, наконец, и от того еще больше смущал, заставлял нервно сжимать и разжимать взмокшие потом ладони, неловко прятать собственный взгляд и мучительно краснеть.

Умом он понимал, что именно на такой эффект здесь все и рассчитано: и убранство кабинета, и тщательно отрепетированное поведение хозяйки, стремящейся уже с порога по-

давить любую критичность мышления у клиента, сразу ставя его в неловкое, подчиненное положение. Вот только одно дело понимать умом, а вовсе другое не поддаться тщательно спланированному воздействию в то время, когда тебя предает даже собственное тело, выбрасывающее в кровь все новые порции адреналина. Голова плыла от густого приторного аромата курящихся тут и там в специальных подставках по углам комнаты ароматических палочек. Белесый дым прихотливыми завитками клубился в неподвижном, замершем воздухе. Из искусно скрытых динамиков тихо, почти на пределе слышимости неслись невнятный таинственный шепот, рокотом морского прибоя бился в барабанные перепонки, рождая неясную робость, практически страх. Примерно такую озвучку Андрей встречал в компьютерных ролевках, когда бесстрашный герой спускался в лабиринты заполненных разнообразной нечистой подземных коридоров... Даже там она ощутимо давила на психику. А уж когда перед тобой не тускло мерцающий монитор, а самая что ни на есть настоящая реальность... Да, что там говорить, и ему понятно, как действует!

– Я, Андрей... Я Вам звонил, договаривался о встрече... – в голосе из последних сил стремящемся разорвать, разрушить эту рокошующую, сводящую с ума тишину звучала уже почти настоящая паника.

– Да, конечно, я помню... Проходите, Андрей, присаживайтесь...

Изящный жест длинных точеных пальцев в направлении стоящего у стола деревянного кресла с резной спинкой сопровождался едва заметной торжествующей улыбкой тенью мелькнувшей по лицу. Андрей четко засек это короткое, полное затаенного презрения движение тонких карминовых губ колдуньи, как ни было оно мимолетно. Ведьма в полной мере оценила испуганные нотки, предательски зазвеневшие в его голосе и, судя по всему, осталась довольна исходом первого раунда встречи.

Осознание этого неожиданно взбодрило и придало сил. «Погоди радоваться, сука! То ли еще будет... Хорошо смеется тот, кто смеется последним!» – холодно и зло подумал Андрей, пружинисто шагнув к столу и непринужденно скидывая с плеча висящий на нем яркий китайский рюкзачок.

Уже опустившись на жесткое сиденье, он отметил, как мгновенно сузились во внимательном прищуре глаза колдуньи и мысленно выругал себя, за излишнюю самоуверенность. Нельзя, нельзя было двигаться так стремительно и четко, нужно до конца держать образ безобидного размазни, и постоянно помнить о том, что уж в чем, в чем, а в практической психологии тетка, сидящая напротив, рубит почище иных светил из медицинских клиник. При ее работе иначе нельзя. Так что не расслабляться! Ну же, соберись! Он нарочито поерзал задницей в кресле устраиваясь поудобнее и стараясь тем временем придать лицу прежнее ошарашенное выражение. Кажется, получилось, ведьма вновь глядела

на него свысока, с едва заметным пренебрежением и отчетливо ощущаемым превосходством. Значит, удалось сойти за обычного лоха, каких она принимает по десятку на день. Не удивительно, что при таком обилии недалеких клиентов даже ее тренированный глаз «замылился», не смог распознать опасность. Но все равно, следует быть осторожным, предельно осторожным...

– Итак, что привело Вас ко мне? – в вопросе не прозвучало и тени заинтересованности, так могла бы говорить ожившая вдруг мраморная статуя.

Аделине и в самом деле были совершенно не интересны проблемы очередного прыщавого юнца. В этом кресле, таких как он, перебивало под сотню, если не больше. Она давно привыкла и притерпелась к ним, выработав раз и навсегда определенный шаблон поведения для этой категории клиентов.

Конечно, основу ее клиентуры традиционно составляли женщины среднего возраста, переживающие семейные и жизненные кризисы, цепляющиеся за соломинку, надеющиеся с помощью черной магии привязать к семье неверного мужа, отвадив от него навсегда разлучницу-любовницу, или наоборот заставить наконец любовника окончательно бросить гримзу-жену и узаконить уже давно длящиеся отношения. Еще одной большой группой были юные девчонки, валившие к ней косяками, чтобы погадать на будущее замужество, или просто попробовать щекочущей нервы экзоти-

ки магических процедур. И к тем и к другим Аделина давно привыкла, приноровилась и легко и непринужденно разводила их подчистую, раскручивая порой на гораздо большие суммы, чем те, на которые изначально рассчитывали клиенты. Что ж, лоха кинуть не грешно, а если человек сам желает обмануться, то и обмануть его не составит большого труда. Ну и конечно, заработать на этом. А что? Ведь сказано, что всякий труд должен быть оплачен, так почему же она должна им тут бесплатно изображать посланницу темных сил? Нет, девочки, бескорыстные времена школьных драмкружков давно и безвозвратно прошли, так что извольте раскошелиться, оплачивая щекочущий нервы спектакль!

Мужчины приходили реже. Даже правильнее будет сказать, мужчины не приходили вообще. Те, кто, по ее мнению, действительно имели право так называться, привыкли решать свои проблемы самостоятельно, не впутывая в них посторонние силы, без разницы темные, или светлые. А особи мужского пола все же захаживающие изредка в салон, к понятию «мужчина» могли быть отнесены разве что на основании наличия первичных половых признаков. Как правило, это оказывались вот такие вот неуверенные в себе, нервные и дерганые юнцы, всплывавшие первой юношеской страстью к такой же бестолковой однокласснице, или, что еще смешнее, к переживающей вторую молодость перезрелой учительке. Они стеснялись бушующих гормонов, краснели и запинаясь, прося сделать что-нибудь, что угодно, лишь бы объ-

ект обожания ответил им, наконец, взаимностью. Причем, если бы наложенные колдуньей «чары» и «заклятия» вдруг и впрямь сработали, эти недоросли сами первые не знали бы что же теперь делать.

Аделина относилась к ним брезгливо. Недоделанные слюнтяи, никчемные нытики и сопливые романтики! Слава богу, что среди ее соплеменников такие не водились в принципе. Не удивительно, что им никогда не бывала нужна помощь гадалок. Мужчина ее народа и в четырнадцать лет вполне способен был выкрасть понравившуюся ему девчонку, не требуя никаких приворотных зелий и не надеясь на волшебные и колдовские приемчики. Любой ее соплеменник мальчишкой был больше мужчиной, чем эти великовозрастные носители прыщей. Мирило Аделину с ними только одно, кроме прыщей, они приносили в салон еще и деньги, щедро оплачивая ее труд, потому на время магических сеансов презрение и брезгливость приходилось скрывать под маской холодной отстраненности мудрой волшебницы. Лохи хавали, для них все казалось естественным и правильным.

Она еще раз окинула оценивающим взглядом нервно ерзающего на краешке стула посетителя. Да, впечатление складывалось не ахти какое: лет шестнадцать-семнадцать, не больше, одежда явно с чужого плеча, старая и обтрепанная толстовка с капюшоном, вылинявшая почти до бела джинсовая куртка, беспокойный бегающий по сторонам взгляд, упрямо сжатые губы и резко очерченный волевой подбор-

док... Похоже, характер-то в мальчике есть, просто не проявился еще в полную силу, не заявил о себе... А одежонка явно за страшим братом донашивается, себе не стал бы покупать куртку на пару размеров больше... Видно не богатая семья, а сам скорее всего школьник, денег взять негде... Однако взял же где-то на сеанс? Или не взял? Такое тоже случилось в ее практике, встречались любители прокатиться на халяву...

– Понимаете, я... Мне... Короче, девочка одна, то есть девушка... Она мне нравится очень, – злясь на себя, Андрей все не мог подобрать нужных слов, мямлил что-то неразборчивое, заставляя сидящую напротив колдунью пристально вглядываться в него, еще больше терялся от этого взгляда и нес уже совершенную околесицу.

Черт, Варяг говорил, просто придешь и попросишь сделать приворотное зелье. Даже фотографию какой-то левой девки подсунул. Для нее, мол, зелье-то... Ржал, урод, как конь педальный. Еще бы, он эту фотку где-то в Интернете вытянул с порносайта. Там полно таких галерей, где девчонка вначале позирует вполне прилично одетой, а потом постепенно раздевается. Вот откуда-то оттуда Варяг и свинтил нынешний предмет его обожания, причем сам предмет оказался с немалой примесью не то японской, не то китайской крови. Одно слово, урод, что не мог нормальную бабу найти? Нет, все бы ему с лишней подколкой! Конечно, легко, блин, командовать. Просто придешь и попросишь! Ага, вот

сейчас прям, возьму и бухну в лоб, сделайте мне приворотное зелье, я тут влюбился в шлюху из Японии! Да на такое и язык не повернется!

– Я поняла, – мудро и успокаивающе кивнула Аделина. – Вы больны неразделенною любовью... Что ж, средства есть... Но...

Она замолчала, испытующе глядя на него. Андрей тупо смотрел куда-то в сторону, не понимая, чего она ждет. Секунды текли мимо вязкой патокой, наполненные зловещим шепотом и кружащими голову ароматами. Взгляд колдуньи становился все более тяжелым, где-то в глубине темных омутов глаз уже явственно просверкивали молнии тщательно скрываемого, но уже готового прорваться наружу раздражения.

– Средства помочь Вашей беде есть, – с нажимом повторила Аделина. – Но в нашем мире все не так просто. Компоненты зелья, энергия, которую маг должен вложить в заклинания, чтобы наделить средство чудодейственной силой, все это не берется просто так, все требует определенной компенсации...

»О, как же тупы все эти козлы! – Аделина, нервно стиснула кулачок правой руки, предварительно убрав ее со стола, чтобы клиент не заметил. – Ну, мне что, открытым текстом сказать тебе про оплату?! Или ты думаешь, здесь все как в сказке бесплатно?!»

– Ах, это! – до Андрея, наконец, дошло, чего от него хо-

чет ведьма. – Конечно, конечно, я готов, э-э... Компенсировать... Да, именно... Я готов компенсировать любые расходы...

– В разумных пределах, – поспешно добавил он, спохватившись, что выламывается из придуманного образа сраженного первой любовью школьника.

На самом деле группа наблюдения, собиравшая первоначальный материал на Аделину перво-наперво выяснила средние расценки за ее услуги. Цены колебались в значительных пределах и прямо зависели от определенного ведьмой на глаз статуса клиента и предполагаемой толщины его кошелька. Но некие общие моменты и границы все же имелись. Исходя из них, Андрей и получил на оперативные расходы сумму в две сотни американских рублей, на первый взнос должно было хватить с лихвой, а второй уже вряд ли понадобится. Если все пройдет как задумано, колдунья после его визита в деньгах имеющих хождение в этом мире нуждаться больше не будет.

Данные собранные группой наблюдения свидетельствовали прямо и однозначно, помимо самой по себе богомерзкой черной магии, в салоне Аделины происходили и другие гораздо менее безобидные вещи. А именно тайная продажа наркотиков, скупка краденных ювелирных изделий и переплавка их на традиционные для цыганской торговли с рук золотые цепи и печатки, а также поиск и полное замораживание особо поддающихся психическому воздействию граж-

дан, с целью выкачивания из них всех возможных денежных средств, а при удаче также квартир и прочей недвижимости. В общем, спектр интересов большой цыганской «семьи» в которую входила Аделина был весьма и весьма обширен.

Андрей вспомнил рассказанное Варягом на инструктаже. Группа наблюдения поработала на славу: фотографии, копии документов, имена, адреса, биографии... Люди, потерявшие квартиры, люди, сошедшие с ума и до сих пор содержащиеся в психбольницах, люди, покончившие с собой, посаженные на иглу и фактически превращенные в рабов... Фотографии, имена, адреса, за которыми реальные судьбы, сломанные безжалостной рукой сидящего перед ним монстра... Да, ведьма без сомнения заслужила назначенную ей кару... И Северный Ветер сегодня с божьей помощью свершит над ней правосудие... Правосудие, которое на этот раз будет вершиться его, Андрея, руками...

– Разумные пределы очень растяжимое понятие, – в голосе Аделины мягкий бархат сменился жестко звякнувшей сталью. – Консультация обойдется Вам...

Краткая, почти незаметная пауза и оценивающий взгляд, еще раз, последним контрольным выстрелом пробежавший по обтрепанной джинсовке, лоснящемуся вытертому вороту темной толстовки и дешевому китайскому рюкзачку.

– В пятьдесят долларов. Увы, у меня четкие правила, и отступать от них я не могу...

На лице ведьмы при этом было написано такое явное

сожаление, что посторонний человек невольно поверил бы каждому ее слову. Андрей же с трудом запихнул обратно в глотку непрошенный нервный смешок. Вот что значит правильно подобранный маскарад! По данным наблюдателей за консультацию ведьма всегда брала сотню, но видно курочка по зернышку клюет, а с паршивой овцы, хоть шерсти клок... Или какие там у цыган на этот случай существуют поговорки? Знала бы она, что одежда клиента специально выбрана для этого случая и уже через пару часов будет безжалостно сожжена на костре вся полностью, вплоть до трусов и носков. А она по этому прикиду взялась оценивать платежеспособность! Смешно! Однако смеяться сейчас явно не стоило, не стоило и поспешно вытаскивать заранее припасенные деньги, нужно правильно обыграть момент. Колдунья считает названную сумму предельной, что можно с него получить, не будем ее разочаровывать.

Всем своим видом изображая мучительные сомнения, Андрей потянулся рукой к внутреннему карману джинсовки.

– А это точно поможет? – в вопросе тщательно подобранная доля сомнения, на лице борьба жадности с вожделием.

Ну, что ты на это скажешь?

– Молодой человек, у меня солидная фирма. Все за что я берусь, действует с гарантией, – произнесено ледяным тоном с высоко задраным подбородком и плотно сжатыми губами.

Однако глаза при этом внимательно фиксируют лицо кли-

ента, снимают реакцию. Ведьма в любой момент готова сменить линию поведения. Да, серьезный противник, не удивительно, что на счету у нее столько сломанных судеб, столько облапошенных, обобранных жертв... Ну ничего, даст Бог, сегодня ее порочный путь в этом мире будет остановлен.

С тяжелым вздохом Андрей извлек на свет мятую банкноту в сотню баксов.

– У меня только это... Сдача найдется?

– Найдется, если понадобится... – с этого момента колдунья ощутимо расслабилась.

Ну, еще бы, теперь она уже уверена, что рыбка клюнула и не сорвется. Варяг, когда рассказывал ему про ведьму, обмолвился вскользь, что есть такой феномен в практической психологии, когда человек уже вложил хоть малые деньги или силы в какой-нибудь проект, то потом он уж будет защищать его правильность и истинность до последнего, чтобы не оказаться разведенным лохом. Феномен психологической защиты, на котором основаны все лохотроны. В страхе перед возможностью потерять первоначальную ставку, клиент позволяет вытягивать из себя все больше и больше, этим и пользуются ловкие жулики. Вот и колдунья считает, что Андрей теперь у нее на крючке. И невдомек дуре, что для него эти бумажки с рожами президентов значат меньше, чем туалетная бумага. По себе людей меряет, уродина, раз сама готова на любую подлость за деньги, думает и все такие же. Ну, да недолго ей заблуждаться осталось!

– Итак, расскажите мне об объекте Вашей страсти?

Лицо ведьмы так и светится участием и интересом, вот только глаза уже закрывает задумчивая пелена. Все, в мыслях она уже где-то далеко, думает о своем, дальше будет лишь хорошо знакомая рутина, где нужно будет механически отыграть заученную роль. Всего-то! Незачем больше сосредотачиваться на клиенте, тем более вникать в его глупые проблемы.

– Вот, – помявшись для приличия, Андрей выложил на стол фотографию «возлюбленной» порнозвездочки. – Я хочу, чтобы она меня полюбила...

– Как зовут девушку?

Аделина лишь мельком покосилась на легшую перед ней фотку, уже привычно тасуя колоду черного таро. На лохов очень действует все непонятное и загадочное, а уж по непонятности и загадочности карты таро дадут сто очков вперед любым магическим ритуалам. Да и затрат меньше, чем на прочие фокусы – накидал пару раскладов, пошептал над ними с умным видом и дело в шляпе. Потом можно нести все что угодно, все равно клиент не проверит. Главное побольше туманных двусмысленных фраз, а там он сам додумает и приложит на себя нужное значение.

Андрея же вполне невинный вопрос колдуньи поставил в тупик. Вот так вот, бывает и на старуху проруха! Они с Варягом просидели несколько часов, проигрывая детали возможных сценариев разговора с колдуньей, а такого простого мо-

мента не предусмотрели. Как-то не продумали, что у японки с фото должно быть еще и имя.

– Имя? – Андрей запнулся на полуслове и нарочито закашлялся, пытаясь потянуть время.

– Ну да, имя? – гадалка взглянула на него удивленно.

– Маша... Да, Маша, то есть Мария...

Удивление во взгляде колдуньи плеснуло с новой силой. И только тут Андрей сообразил. Какая, блин, Маша с такой рожей?! Мо, Ли, Тань, еще куда не шло, но уж никак не Маша!

– Цой! – пытаясь исправиться, ляпнул он первую же пришедшую на ум корейскую фамилию. – Мария Цой. Ну, знаете, как Анита Цой, или Виктор Цой... У них принято, чтобы имя русское, а фамилия своя...

»Блин, тормози! Раскудахтался, урод, скажи еще, что она их родственница! Чем больше слов, тем больше недоверия! Молчи!« – Андрей даже впился изо всех сил напряженными пальцами себе в ляжку, пытаясь унять это виноватое словоизвержение, выдающее его с головой.

Впрочем, колдунья особого внимания его репликам не придавала, в принципе, деньги плачены, так какая разница в кого и с каким именем умудрился втрескаться этот пентюх.

Диковинные карты с оскаленными драконами, черепами и готическими пентаграммами черным глянцевым веером рассыпались по столу. Колдунья низко склонилась над ними, вглядываясь в расклад, что-то шепча, быстро-быстро пере-

бирая губами.

Андрей с иррациональным страхом следил за ней, чувствуя, как волна ужаса, зародившаяся где-то в глубине живота, неуклонно поднимается к сердцу. А ну как она и вправду ведьма? А ну как карты сейчас расскажут ей, кто сидит напротив и с какой целью он сюда пришел? «Господи, иже еси на небеси, да святится имя твое, да придет царствие твое...» Слова молитвы рождались сами собой, гулко и веско отдавались в голове, ложились одно на другое будто крепкие кирпичи крепостной стены, неодолимой для сил зла. И отступала тьма, и уходила тревога, оставляя лишь дрожь в готовых к бою мышцах... «Хлеб наш насущный дай нам днесь...» Будто мощная приливная волна омыла мозг, унося с собой неуверенность и страх. Все получится, все будет так, как задумано, и никакая сила не сможет помешать...

– Да, нелегкое предстоит дело, – разочарованно цокнув языком, покачала головой ведьма. – Она совсем Вас не любит, даже зацепиться не за что, совсем не нравиться Вы ей...

Встретив полный притворного сочувствия взгляд колдуньи Андрей, невольно расслабленно улыбнулся в ответ:

– Я верю в Вашу силу и мастерство. Вы ведь поможете мне, правда?

– Помогу-то, помогу... – с сомнением поглядев на карты, произнесла ведьма. – Только тяжело будет и дорого...

– Об этом не волнуйтесь, – небрежно бросил Андрей, охваченный легкой эйфорией. – Я готов на все, пойду на лю-

бые жертвы!

После очищающей молитвы пусть и произнесенной лишь про себя, он всегда ощущал немалый подъем и сейчас его явно несло.

– Вы так любите ее? – в голосе ведьмы все еще слышались нотки сомнения.

– Безумно! – решительно отрубил Андрей, тараща для убедительности глаза и выдвигая вперед подбородок.

– Что ж, – ведьма явно смягчилась. – Раз у Вас такие чувства, постараюсь помочь. Но не за один раз, нужно будет провести несколько сеансов, стоимостью...

Тут она почти незаметно запнулась, вновь смерив его своим оценивающе-рентгеновским взглядом.

– Стоимостью, скажем, в сотню долларов каждый...

– Хорошо, согласен.

Прозвучало это слишком коротко и по-деловому, но Андрей уже устал держать маску влюбленного лоха и чувствовал, что комедию пора закруглять, иначе он не выдержит и просто придушит сидящую перед ним гадину. Однако остался еще один момент. Один контрольный вопрос, который он должен был задать обязательно. Вопрос решавший жить ведьме дальше, или умереть. Так недвусмысленно требовали полученные от Учителя инструкции. Хотя самому Андрею все давно было предельно ясно, он абсолютно точно понял, кто перед ним, и уже вынес этой женщине свой собственный приговор. Но одно дело его приговор, и другое мнение того

человека, что послал его сюда.

– Послушайте, Аделина, а когда же мы сможем приступить собственно к сеансам?

– Да хоть завтра, к чему терять время?

– Но подождите, завтра ведь начинается страстная неделя? Это же великий грех, применять магию в эти дни...

Итак, контрольный вопрос прозвучал, Андрей весь обратился в слух, в ожидании ответа. Теперь лишь от того, что она скажет сейчас, зависит, дальнейшее. Конечно он уже не уйдет отсюда просто так, не для того приходил. Но возможно он удовлетворится лишь тем, что уничтожит этот вертеп, а может в дополнение к этому придется еще взять жизнь хозяйки.

Ответом ему был тихий смех, и покровительственное движение точеной кисти цвета слоновой кости.

– Ну, что Вы, право! Какое для меня значение могут иметь суеверия жалких людишек! Я повелеваю такими силами, что меня совершенно не трогают придуманные кем-то обряды. Если хотите, могу взять на себя и всю ответственность за организацию магических сеансов, так что Ваша бессмертная душа останется чистой и незапятнанной.

Он вздрогнул от прозвучавших слов, как от пощечины, и лишь усилием воли удержал порыв безудержной ненависти, ударившей красной пеленой в голову. Нет, еще не время, она ответит за все, кара настигнет ее, но лишь в тот момент, когда он сам уже будет в безопасности. А пока надо терпеть

глумление этого отродья сатаны, нужно соглашаться с ней во всем. Контрольный вопрос задан, и ответ получен, условия соблюдены. Теперь он вправе оборвать жизнь ведьмы, и его рука не дрогнет. Это главное! А она сама пусть пока покуражится, можно и потерпеть. Не стоит обращать внимания на сказанное тем, кто уже практически мертв.

– Значит на сегодня все? Когда мне теперь приходиться?

Андрею не терпелось закончить слишком затянувшуюся комедию и приступить наконец к тому, ради чего он сюда пришел.

– Приходите... – Аделина потянулась довольной кошкой, с удовольствием отмечая невольное прилипший к изгибам ее тела взгляд клиента. – Ну, хоть завтра, в какое время для Вас удобно?

Андрей с трудом отвел глаза от приоткрывшегося на мгновения глубокого декольте колдуньи, впрочем, вызвано это внимание было отнюдь не ее прелестями, показалось вдруг в полумраке, что между бледных грудей ведьмы копошатся уже могильные черви.

– В любое... – и тут же сообразив, что она сейчас начнет прикидывать свой распорядок и планировать встречу уже по собственному графику, а значит, все это затянется еще на несколько томительно долгих минут, бухнул: – В два часа дня, хорошо?

И едва дождавшись подтверждающего кивка, вскочил на ноги, выпалив:

– А в туалет у Вас можно сходить? Что-то мне нехорошо...

Ведьма удивленно нахмурилась, но, тем не менее, благосклонно махнула рукой в сторону приемной.

– Там на выходе, дверь направо... С Вами точно все в порядке?

Последний вопрос он проигнорировал, широкими шагами двинувшись в указанном направлении. Ни в каких указаниях он впрочем, не нуждался и где находится в этом заведении туалет, знал доподлинно. Не зря заучил наизусть подробный чертеж превращенной в магический салон квартиры. Туалет был хорош тем, что от основного зала, где принимала клиентов колдунья, его отделяла лишь тоненькая в один кирпич перегородка, упиравшаяся в капитальную стену, являвшуюся несущей для потолочной плиты. Это обстоятельство превращало обычный совмещенный санузел в практически идеальное место для свершения задуманного возмездия.

Тщательно заперев за собой дверь на щеколду, Андрей метнулся в заранее выбранный угол, на ходу расстегивая свой ярко раскрашенный рюкзачок. Бомба была тщательно упакована в перетянутый скотчем пакет. Пять кило аммонита, полученного в домашних условиях, но от этого ничуть не растерявшего своих убойных свойств. Жаль не из чего сделать подушку, для получения эффекта направленного взрыва, да и времени на это нет. Но ничего, и так сойдет. Коротко стукнув по одной стене и по второй, он убедился, что развед-

чки не ошиблись. Прямо за унитазом стена отозвалась глухо, солидно, явно капитальная, рассчитанная на нагрузку потолочных плит. Зато та, что слева бумкнула совсем несерьезно, легкомысленно даже – просто перегородка в один кирпич замазанная тонким слоем штукатурки. Если оставить рюкзачок в углу, то силой взрыва тонкую стену просто вынесет, а разлетевшиеся в разные стороны кирпичи и куски штукатурки сработают не хуже осколков настоящего снаряда, круша все вокруг. А если повезет, то удастся завалить и капитальную стену, или по-крайней мере, сдвинуть ее настолько, чтобы обрушился потолок. На такой эффект рассчитывать, конечно, сложно, ну да с Божьей помощью, может и так получиться.

Осторожными почти нежными движениями Андрей засунул рюкзачок поглубже в угол. Теперь настал черед таймера. Дешевый китайский будильник как нельзя лучше справлялся с этой ролью. Только провода, идущие на звуковые динамики, теперь вели к самодельному детонатору. В нужный момент ток воспламенит таящуюся в нем чудо-смесь, а от нее детонирует уже основная бомба. Подумав, Андрей выставил таймер на пять минут, с лихвой хватит, на то, чтобы уйти. Электронные циферки на маленьком табло начали равнодушный отсчет. Он распрямился, оглядевшись вокруг, еще раз проверяя, не забыл ли чего-нибудь. Ага, рюкзак слишком бросается в глаза, вряд ли в ближайшие пять минут кто-нибудь сюда войдет. А если даже войдет, то уж

точно не сможет помешать взрыву, разве что по невероятно-стечению обстоятельств случайный посетитель окажется дипломированным сапером. Но, как говорится, береженного Бог бережет... Поискав глазами вокруг что-нибудь подходящее, Андрей зацепился взглядом за пластиковую корзину с мятой туалетной бумагой. Ага, то, что нужно, хватило, чтобы почти полностью прикрыть затаившийся в углу рюкзак. Теперь как можно громче спустить воду, и можно выходить.

Поток воды с ревом Ниагарского водопада устремился в белое унитазное нутро. Все, теперь на выход и так провозился на полминуты дольше, чем рассчитывал. Теперь на то, чтобы покинуть здание остается четыре минуты. Три пятьдесят девять, три пятьдесят восемь... лязгнула откиннутая щеколда, еле слышно скрипнули дверные петли... три пятьдесят семь...

Первой кого он увидел, вывалившись из туалета в приемную, была прислонившаяся к косяку входной двери в ритуальную комнату ведьма. Андрей даже замер от неожиданности словно налетел вдруг на невидимую стену. Что и говорить, хороша собой Аделина была чрезвычайно, а уж в колдовском наряде могла очаровать и куда более искушенного мужчину. Пристальный взгляд темных ведьминых глаз буквально парализовал Андрея, пригвоздил его к месту, лишая сил и уверенности в правильности того, что он делает. А где-то глубоко внутри, добавляя лишнего смятения, мощной упругой волной поднималось знакомое каждому мужи-

ку возбуждение, становившееся лишь острее от осознания некой тайной власти над этой женщиной, власти над ее жизнью и смертью, что таились сейчас в маленьком китайском будильнике за хлипкой деревянной дверью.

– С Вами все в порядке? – покровительственно улыбнувшись, почти пропела колдунья.

Нет сомнения, что она отнесла неловкое замешательство молодого человека целиком на счет своего женского обаяния.

Не в силах произнести ни слова в ответ Андрей часто закивал, чувствуя как все тело пронзает крупная нервная дрожь, а колени становятся будто ватными и вот-вот готовы подломиться, отказываясь держать его вес. Казалось еще секунда, и он лишится чувств от нервного расстройства прямо посреди приемной. Перед глазами уже замелькали, закружились бешеным роем радужные мошки, а в голове поплыл протяжный колокольный звон, но приходя на помощь, в такт гудящему в мозгу набату грянули чистые и ясные слова Второзаконья: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего, будь непорочен пред Господом Богом твоим...»

Очистительный свет ударил по глазам яркой вспышкой. Андрей снова взглянул на ведьму уже другим, очищенным

зрением и поразился сам себе. Как мог он еще несколько мгновений назад считать эту женщину красивой и даже привлекательной? Какой же он все-таки беспомощный слепец! Лишь теперь, когда морок рассеян словами священной книги он мог ясно видеть. Лишь теперь он замечал и неопрятный слой пудры на обвисших тронутых морщинами щеках, и оплывшую потерявшую форму грудь, и, что самое главное, жесткую хищную складку тонких губ и злой алчный блеск глаз... Нет, все сделано правильно, это женщина – зло, это видно с первого взгляда. Зло, точнее была злом... Ибо быть ей осталось... Он запнулся, с ужасом понимая, что совершенно забыл о необходимости вести счет секундам. Но кто-то сидящий глубоко внутри, бесстрастный и холодно-рациональный тут же услужливо подсказал ему: «Три минуты двенадцать секунд».

– Ох, не нравитесь Вы мне, молодой человек, – качнув головой, произнесла меж тем ведьма. – Какой-то вы возбужденный и взъерошенный, негативная энергия из вас так и прет, того и гляди взорветесь!

Он снова ощутимо вздрогнул от того, как попали в цель слова колдуньи, но нашел в себе силы глухо вымолвить:

– Не беспокойтесь, не взорвусь.

»Я не взорвусь, – тут же добавил про себя, поправляясь. – Три минуты восемь секунд. Надо уходить!«

– Что ж тогда до завтра! – обольстительно улыбнулась ему ведьма.

– Прощайте, – кивнул, отворачиваясь, Андрей и шагнул в сторону ведущей на улицу железной двери. – Покойтесь с миром.

Последнюю фразу он произнес неслышным шепотом, почти совсем беззвучно, лишь шевельнулись слегка прокушенные до крови губы, выпуская в мир формулу отходной молитвы. А потом за спиной лязгнула железом дверь, отрезая его от пропитанного таинственными шепотами и тяжелыми кружащими голову ароматами обиталища гадалки.

На улице он едва сдержался, чтобы не побежать сломя голову прочь, ноги сами норовили понести его с предельной скоростью и мчаться, не останавливаясь до тех пор, пока хватит силы в упругих молодых мышцах. Но так не годилось, уходить следовало спокойно, неторопливо, не привлекая к себе лишнего внимания, не навлекая никаких подозрений необычностью поведения. Любой из идущих сейчас по улице, любой из праздно глядящих в окна окружающих домов впоследствии может оказаться свидетелем, уличающим преступника. Так что незачем давать этим людям лишний повод приглядеться, лишнюю возможность отложить в памяти необычное. Просто вышел самый обыкновенный юноша из самой обыкновенной конторы, разместившейся в выкупленной квартире на первом этаже жилого дома, чего тут интересного, чего примечательного? Идите дальше по своим делам, просто мазните по мне взглядом и тут же забудьте, я самый обычный человек, такой же, как вы...

Капюшон толстовки он набросил на голову загодя, еще в приемной, так что лица его точно никто не мог разглядеть. Но вот одну вещь, безусловно могущую привлечь ненужное внимание окружающих, сделать он все же должен был. Иначе никак. Воровато оглянувшись по сторонам, Андрей размашисто перекрестился, складывая кисть по-староверски, двумя перстами. Жест был быстрым, ловким и неоднократно отработанным, никто из шедших по улице даже не обернулся, не среагировал, просто не заметили. Зато видеокamеры, над входной дверью в салон колдуньи бесстрастно зафиксировали в свою цифровую память непривычное движение посетителя. Камеры установили лишь позавчера, через два дня после того, как за салоном закончили наблюдать, поэтому ни планировавший операцию Учитель, ни проводивший инструктаж Варяг, ни сам Андрей о них ничего не знали.

Легким шагом сбежав с железных ступенек, Андрей скупачающей походкой праздного бездельника двинулся вдоль по улице, даже принялся фальшиво насвистывать какой-то попсовый мотивчик. Меж тем в голове все настойчивей и настойчивей пульсировали красным тревожным светом сменяющие друг друга цифры: «Два двадцать пять... Два десять... Два ровно...»

Ударило, когда он отошел уже метров на пятьдесят. Не грохнуло, не бабахнуло, а именно ударило. Звук докатился намного позже, сначала же он почувствовал, как содрогнулся под ногами асфальт, и дуло в затылок горячим вет-

ром. Потом был и звук. Грохот рвущейся на части вселенной хлестнул по ушам, забив их погребальным звоном колоколов, на секунду выключив его из ткани мироздания, бросив в необъятный и мрачный космос. Он будто черно-белую картинку увидел застывшую в безвременье улицу, замерших, словно вклеенные в янтарь мухи прохожих, остановившиеся без движения автомобиля... Статичные нелепые позы, театр абсурда... А потом миг переноса в другое измерение закончился, и гулкая тишина взорвалась истошным воем автомобильных сигнализаций, пронзительным бабьим визгом, топотом ног, испуганной матерщиной и скрипом тормозов паркующихся к тротуару машин.

Теперь надо было уходить, смешаться с взбудораженной толпой и под ее прикрытием исчезнуть, раствориться в городской суете, так чтобы никто не вспомнил, никто не заметил. Капля в море, лист в лесу, иголка в стоге сена... Но он почему-то развернулся и будто в гипнотическом трансе, словно лунатик в полнолуние, побрел назад, медленно волоча ноги и тупо глядя перед собой. Губы сами собой шевелились, что-то говорили, но он не слышал своих слов. Лишь когда уже видны стали оплавленные стены, а в нос полез острый химический запах горелой взрывчатки, слух вернулся к нему. Лишь тогда он понял, что читает наизусть евангелие от Иоанна.

– Суд же состоит в том, что свет пришел в мир. Но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были

злы.

Голос был едва слышен, то обрывался в середине слова, то почти пропадал, скатываясь в неясный хрип, то наоборот поднимался до визга. На него уже оборачивались, но он не обращал на это внимания, проталкиваясь сквозь становящуюся все плотнее и плотнее толпу.

Взрыв произвел куда большие разрушения, чем рассчитывал Андрей. Весь дом покосился в сторону своей каменной тушей, и теперь напоминал извращенное подобие знаменитой Пизанской башни. От квартиры, где располагался салон черной магии, осталась лишь груда беспорядочно наваленных сочащихся сизыми вонючими клубами дыма камней. Потолочные перекрытия тоже рухнули, добавляя сверху ставшие надежным надгробием бетонные плиты, часть стены, словно выхваченная ударом гигантской палицы, осыпалась наружу неопрятными скалящимися арматурой осколками. С ведьмой однозначно было покончено. Выжить в этом крошечном аду не смог бы никто.

– Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы...

Андрей протиснулся между чьими-то взмокшими потом спинами, отодвинул плечом в сторону, дородную бабу с неопрятными свалывшимися волосами и пробился почти в первый ряд. Тут и долетели до него слова, заставившие судорожно сжаться сердце.

– Девоньку-то за что? Совсем дите ведь, а ить не пожале-

ли, сволочи... Ироды поганые...

Говорила стоящая рядом морщинистая старушка, в заброшенном на плечи пуховом платке. О ком это она? Неужели о ведьме? В замешательстве Андрей проследил ее взгляд и тоже увидел...

Девчонка и впрямь, наверное, была его ровесницей, может даже моложе... Бесстыдно торчащие вверх остренькие грудки, распахнувшийся до самого пояса легкомысленный шелковый халатик, присыпанный цементной пылью, припудренные ею же волосы, искривленное гримасой боли, застывшее навечно лицо. И огромная щерящаяся арматурой бетонная балка, разможившая своим чудовищным весом все, что ниже пояса. Жирные кровавые потеки на сером бетоне... Вязкая, напитавшаяся пылью кровь, густеющая на глазах. Чудовищный цементный раствор, для строителей из фильмов ужасов.

Андрея ощутимо передернуло. Кто эта девушка? Откуда взялась здесь? Почему назначенная богомерзкой колдунье кара настигла ее?

Ах да, обрушились потолки... Он сам рассчитывал на это, надеялся, что это окажет дополнительный поражающий эффект. Выходит она жила над салоном колдуньи. Как он мог не подумать об этом, когда закладывал взрывчатку? Почему не сообразил тогда, что пострадают невинные? Выходит эта кровь теперь на нем? На нем? На том, кого сам Господь избрал орудием своего отмщения? Может ли такое быть?

– Ироды поганые... – вновь прозвучал рядом шамкающий старческий голос.

И отвечая ему, а больше другому, тому, что звучал где-то внутри него самого, Андрей выкрикнул во всю силу легких:

– А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге содеяны!

Люди испуганно шарахнулись в стороны, но он не обратил на них никакого внимания. Они не стоили того, чтобы на них отвлекаться, они были всего лишь жадной до зрелищ, тупой, вечно жующей биомассой. Им не было нужды что-то говорить, что-то объяснять, или доказывать, вообще не стоило тратить на них силы и слова. Но он все же повторил, уже повернувшись спиной к месту взрыва и глубоко вдохнув ядовитый парящий аммоналом дым:

– Потому что они в Боге содеяны! В Боге!

Толпа расступалась перед ним, беспрепятственно пропуская сквозь себя, и он шел, гордо вскинув голову, принимая испуг людей как непреложную данность. И даже когда где-то вдалеке надсадно завывли сирены, он лишь слегка ускорил шаг, понимая, что время у него еще есть. До приезда тех, кто действительно мог представлять собой опасность еще много времени...

Люди смыкались вслед за ним, искоса поглядывая вслед, впрочем тут же о нем забывая. Искореженный дом и труп раздавленной девушки занимали их куда больше, чем странные слова, невзрачно одетого паренька. Общее мнение о нем

весьма коротко и точно выразил, давно не бритый работяга, воняющий на несколько метров вокруг себя мощным сивушным перегаром:

– Епнулся, пацан с перепугу! Бывает...

Мансур удобно откинувшись в мягком офисном кресле, прикрыл глаза. Полумрак, прорезаемый беспорядочным мельтешением ярких огоньков перемигивающихся между собой игровых автоматов давил на зрение, клонило в сон. Однако спать нельзя, он на дежурстве и пусть по дневному времени зал почти совсем пуст, но ответственность, лежащая на его плечах, от этого вовсе не становится меньше. Если вдруг заглянет кто-нибудь из старших и застанет его дремлющим, то ой-ой как не поздоровится. Хоть бизнес у них почитай семейный и все кто кормится с этих автоматов между собой родственники, но и по-родственному спросят так, что мало не покажется. Это у гасков принято взять на работу друга, или знакомого, чтобы он потом, прикрываясь твоим же именем, ничего не делал и только зря получал деньги. У чеченцев не так, родная кровь налагает только большую ответственность. Подвести или обмануть чужого, скорее уж доблесть, чем проступок, но не оправдать доверия своего – нет тяжелее преступления. От того и Мансур, даром что всего три месяца как приехал из родного села в горной части Чечни и еще не совсем обвыкся в полном суесть, снующих туда-сюда машин, спешащих по своим, непонятным де-

лам гасков городе, но уже старается вовсю помогает чем может старшим, и, похоже они им довольны. Вот и должность у него уже важная – смотритель зала. Доверяют пока, правда, только самые легкие, дневные дежурства, когда посетителей совсем мало. Ну да это ничего, он еще себя покажет, и тогда обязательно оценят, дадут повышение, а значит придут к нему и деньги, и уважение соплеменников, и почет.

Мансур, почувствовав, что сладкие мечты вновь начинают уносить его в сон, резко выпрямился, встряхнулся, оглядев зал. Вроде все было в порядке: ряды автоматов по-прежнему зазывно мигали россыпью огоньков, из скрытых по углам динамиков лилась мягкая ненавязчивая музыка, а единственный посетитель все так же сидел, тупо уставившись на окошечки однорукого бандита. Если не глядеть на часы никогда не поверишь, что на улице самый разгар хлопотного рабочего дня, ярко светит солнце и шумным потоком текут по рекам-улицам люди и машины. В зале игровых автоматов свой мир и свое течение времени. И часы, кстати, здесь допускаются только те, что на руке у клиента, никакого больше напоминания о времени. Размеренно бегущие стрелки часов – первый враг, мешающий клиенту забыться и полностью отдаться игре. Потому и окна наглухо заделаны черными драпировками, чтобы изнутри не понять день сейчас на улице, или ночь. Ничто не должно отвлекать, ничто не должно напоминать о существовании за стенами зала другого мира с его проблемами и обязательствами. Клиент должен полно-

стью погрузиться в игру, забыв обо всем на свете. И тогда он оставит в казино максимум денег, в идеале все, что есть у него с собой. А может и больше, игра под залог часов, золотых украшений, мобильных телефонов, тоже приветствовалась. Глупые урыски наивно верили, что вот сейчас им вдруг повезет. Начинали с того, что наудачу ставили сотню рублей, а кончали тем, что продавали украшения своих жен и дочерей, а то и их самих за возможность еще раз попробовать отыграться. За три месяца работы Мансур уже навиделся таких, напился к ним брезгливым презрением, и научился не испытывать в подобных случаях ни сочувствия, ни жалости.

Гаски были глупы, жадны и трусливы. Они не стоили того, чтобы настоящие чеченские мужчины удостаивали их жалкие проблемы своим вниманием. «Овец нужно стричь, – усмехаясь, говорил в таких случаях дядя Аслан, самый главный владелец этого зала. – Русский баран – самый глупый баран в мире. Даже настоящий баран не отдаст свою овцу. А русский приведет тебе и жену, и дочь, и сам будет твоим рабом. Очень глупый, очень трусливый».

Мансур был согласен с каждым произнесенным словом, именно так все и происходило. Сам не раз видел. Правильно говорят старики, тот, кто ест свинину, сам превращается в трусливую, грязную свинью без чести и совести. Вот и русские всего лишь презренные свиньи, самим Аллахом предназначенные быть рабами для настоящих мужчин и воинов. Ни сам Мансур, никто из его родственников на игру не подсели.

Чеченцы точно знали, что деньги можно заработать трудом, еще лучше и почетнее, отнять у того, кто их заработал, или получить от него обманом, но никогда нельзя деньги выиграть, взять откуда-то просто так, не прикладывая никаких усилий. Так просто не бывает. Только русский дурак может поверить в такую глупую сказку. Потому и всевозможные казино чеченцы считали именно тем, чем они на самом деле и были – приятно щекочущим нервы аттракционом, на котором можно пустить пыль в глаза окружающим, просто выбросив деньги, которых не жалко, но даже в дурном сне ни одному чеченцу не пришло бы в голову идти в такие места специально чтобы выиграть деньги. Нет уж, не хочешь работать, так походи и силой возьми то, что тебе нужно. Не хватает сил – примени хитрость. Но уж никак не сиди, дожидаясь, что удача сама свалится с неба. В этом и было основное отличие между настоящими мужчинами и вонючим свиным салом.

Мансур внимательнее присмотрелся к единственному посетителю, решившему испытать удачу в неурочное время. Он знал его, точнее видел здесь уже не в первый раз. Невысокий интеллигентного вида мужчина в очках с толстыми стеклами уверенно шел по давно проторенной многими его соплеменниками дорожке, проигрывая все большие и большие суммы, проводя в зале все больше и больше времени. В последние дни он уже приходил по несколько раз за Мансурову смену, видимо, окончательно проигравшись, отправлялся на

поиски денег, а наскребя на новую ставку, тут же возвращался обратно к вожделенным автоматам. Насколько мог судить Мансур, выигрывал очкарик редко и все больше по мелочи, проигрыши же его день ото дня росли. Вот-вот должен был наступить тот момент, когда он потратит все свои деньги, а заодно и деньги тех друзей и знакомых, что по глупости решатся дать ему в долг. И тогда он придет к Мансуру, будет плакать, валяться в ногах, просить принять вместо ставки украденные из дома вещи... Так уже бывало много раз и Мансур с легкостью мог предсказать дальнейшее развитие событий. Хоть ему и едва сравнялось двадцать лет, Мансур был гораздо мудрее, разменявшего пятый десяток гаска. И тот факт, что молодой чеченец из-за громыхавшей на протяжении многих лет в республике войны не сумел даже закончить школу, а за плечами очкастого было полноценное высшее образование, ничего не мог изменить. Потому что любой чеченец легко заткнет за пояс любого русского академика по части житейской мудрости, хватки и умения приспособиваться к условиям чужого, живущего по чуждым законам мира, точнее даже не приспособиваться, а менять его под себя, зубами выгрызая свою собственную нишу во враждебном окружении.

Подозрения Мансура полностью оправдались. Уже почти полчаса прошло с тех пор, как мужчина сделал последнюю ставку, в очередной раз оказавшуюся проигрышной. С тех пор он просто сидел, тупо уставившись на весело скачущие,

зазывно мигающие огоньки однорукого бандита. Так дело не пойдет, проигравшийся клиент – плохая реклама для казино. И пусть даже сейчас никого кроме него в зале нет, но кто поручится за то, что уже через минуту сюда не зайдут очередные, готовые просто так расстаться с деньгами лохи. Тогда эта печально согбенная перед автоматом фигура, вполне может их отрезвить, а то и отпугнуть. Нет, дорогой, тут тебе рады только до тех пор, пока ты делаешь ставки. Кончились деньги, иди домой! Возвращайся, когда заработаешь еще! Ну, или когда украдешь, отнять-то у тебя кишка тонка!

С неохотой поднявшись с удобного кресла Мансур неспешно вразвалочку двинулся к незадачливому игроку, и уже по тому, как разом втянулась у того в плечи голова, как покорно согнулась спина, полностью уверился в точности своей догадки. Денег у очкастого больше не было, как не было и сил оторваться от вожаемого автомата. Последняя надежда на невероятное, на чудо, все еще продолжала властно удерживать его на месте. Уж на что он там рассчитывал непонятно, но уходить не хотел, смотрел заискивающе, побитой собакой заглядывал в глаза, и от этого молящего взгляда взрослого, годящегося ему по возрасту в отцы мужика, чувствовал себя Мансур гордым и сильным, сладко сжималось сердце от ощущения власти над другим человеком и собственной значимости.

– Почему не играем, уважаемый? Автомат не нравится? Может плохо работает? Так садись на другой, у нас их тут

много... – обычная ничего не значащая не несущая в себе смысловой нагрузки прелюдия, чисто формальная завязка разговора.

На самом деле затравленный взгляд очкастого уже все объяснил Мансуру, можно было ничего не спрашивать, но чеченец хотел, чтобы ситуация окончательно прояснилась, добивался от гаска унижительного признания. Тот что-то неразборчивое проблеял в ответ. Ну, баран, как есть баран!

– Не слышу тебя, дорогой!

Мансур нарочито резко наклонился к очкастому, вскинув к уху раскрытую ладонь. Не то замахнулся, готовясь ударить, не то просто приставил ладошку, чтобы лучше слышать. Понимай, как знаешь!

Очкастый понял правильно, отшатнулся резко, выкатил испуганно зеньки, еще бы чуть-чуть и со стула грохнулся.

Мансур рассмеялся тихонько, страх взрослого мужика был приятен. Вообще здорово, когда тебя боятся, сразу ощущаешь себя большим и сильным.

А вот очкастому, в отличие от молодого чеченца, было совсем не до смеха. Ну не довелось ему в жизни приобрести навыки бесстрашного и напористого бойца, другая у него сложилась дорожка, другая стезя, где ценились совсем не те качества, что свойственны спортсмену-рукопашнику, или армейскому спецназовцу. Потому и боялся он панически любого физического воздействия, что уже давно, почитай со школьных лет не сталкивался с подобным, оберегала как-то

судьба, даже от пьяной шпаны в подворотне по очкам ни разу не схлопотал, не говоря уж о чем-то более серьезном. И ежели любой боксер скажет вам, что по морде разок другой получить ни фига не страшно, она, морда-то, от этого только крепче будет, то преподаватель высшей математики Петр Максимович Зайцев, потомственный интеллигент и высококультурный человек, наоборот считал, элементарную плюху по репе чем-то невообразимым и должным если не убить его на месте, то по-крайней мере причинить ему страшную боль и серьезно изувечить.

Петр Максимович даже зажмурился на секунду, истово надеясь, что страшный чеченец окажется просто галлюцинацией воспаленного от бессонницы и переживаний мозга и сам собой растворится в воздухе. Однако зритель зала растворяться вовсе даже не собирался, а даже наоборот, окончательно убедившись, что перед ним абсолютно не способный на сопротивление жалкий червяк, типичная жертва и пожизненный терпила, перешел к более активным действиям. Резко встряхнув математика за плечо, он добился того, чтобы тот открыл, наконец, глаза и смотрел прямо на него.

– Все проиграл, баран? Нет больше денег?

Необходимость соблюдать видимость приличий, по мнению Мансура, уже полностью отпала, и он перешел на резкий деловой тон. Именно так говорили в его доме с русскими рабами. Те понимали только жесткие приказы, подкрепленные плеткой, никакое нормальное человеческое обращение

с этими животными было невозможно. Здесь в городе таких животных обитало слишком много, соплеменники Мансура не могли покорить их силой, потому приходилось притворяться, иной раз даже лебезить перед ними, хитростью ставить их в подчиненное положение. Однако с таким, как этот уже можно не церемониться, не держать до смерти надоевшую маску.

– Нет денег, пошел вон отсюда, баран! И не возвращайся, пока не найдешь!

Петр Максимович пребывал в некоем подобии ступора, таким тоном с ним никогда еще не говорили. По-крайней мере не говорили в той, другой жизни, в которой он был уважаемым человеком, преподавателем и доцентом. Но, как он теперь отчетливо понимал, та жизнь окончательно и бесповоротно закончилась в тот день, когда он впервые, из чистого любопытства, переступил порог этого зала. Тогда он ни за что не потерпел бы такого обращения от этого юнца, теперь, видимо, придется. Видно, так и полагается, перед возвышением и обретением вожеленного богатства, нужно полностью, до дна испить всю чашу унижения.

Да-да, Петр Максимович всерьез рассчитывал на грядущий взлет своего жизненного благополучия, и сейчас находился от него буквально в одном шаге. На самом деле он вовсе не был обычным, попавшимся в обманчивые сети игрового мира олухом. Как преподаватель высшей математики уж в чем, в чем, а в теории вероятности он разбирался

отменно и мог трезво оценить собственные шансы на победу в схватке с одноруким бандитом. Точнее сказать, он мог оценить шансы неподготовленного человека, вооруженного лишь смутной надеждой на удачу. Свой же грядущий успех он вовсе не собирался ставить в зависимость от неверной девки Фортуны. У Петра Максимовича была своя собственная система. Правильнее ее будет даже назвать СИСТЕМА, да, вот именно так заглавными буквами.

Его первый визит в казино был элементарной случайностью, зашли из чистого любопытства большой компанией, после удачно принятых у студентов экзаменов. Просто хотелось посмотреть, как выглядят легендарные однорукие бандиты, рулетка и блэк-джек. Заходили, конечно, не в этот занюханый зал, а в настоящее респектабельное казино, с зеленым сукном на столах и вышколенными крупье. На коллег, правда, заведение большого впечатления не произвело, сделав пару мизерных ставок и благополучно их проиграв, они заскучали и вскоре разбрелись кто куда, продолжать веселье в более привычной обстановке. А вот Петра Максимовича зацепило всерьез и надолго. Возможность разом фантастически разбогатеть, полностью изменив свою жизнь, прочно завладела его разумом, вытеснив все остальное на второй план. В тот же вечер математик засел за разработку СИСТЕМЫ, и уже через пару месяцев кропотливой работы, решение замаячило где-то на горизонте. Но даже самая блистательная теория мертва без практики, потому походы в

залы игровых автоматов быстро стали насущной необходимостью. СИСТЕМА мыслилась универсальной и всеобъемлющей, полностью приложимой ко всей теории игр, а потому в качестве экспериментального поля годились не только классические казино, на которые требовались огромные средства, но и вот такие забегаловки, напичканные автоматами. Эти были гораздо дешевле. Но как показала практика зарплата преподавателя математики, даже вместе с деньгами за репетиторство не могла перекрыть все возрастающих потребностей гигантского проекта.

Деньги окончательно кончились сегодня, и что самое обидное произошло это, когда Петр Максимович был всего в одном шаге от решения задачи. Недоставало лишь нескольких ключевых экспериментов, необходимых для набора статистики. Всего десяток игр на одноруком бандите! И все! Дальше СИСТЕМА начнет работать, и он до конца жизни не будет нуждаться ни в чем. Для получения денег достаточно будет на несколько минут заглянуть в первое попавшееся казино, и взять их там в любом, абсолютно неограниченном количестве. А деньги это все: новая шикарная квартира, машина, своя кафедра, написанная в покое и тиши докторская, ученики и последователи, почет и уважение, гранты и премии со всего мира, лекции в Англии и Америке... И цена всего этого лишь несколько тысяч обычных деревянных рублей. Просто смешно. Вот только взять эти несколько тысяч было негде. Негде и все. То, что можно продать

или заложить, уже продано и заложено, в долг давно не дают ни друзья, ни коллеги, знают, что не вернет, потому как уже многим не вернул. Не от того, что потерял честь и совесть, просто нечем. А мечта она уже рядом, в одном шаге, рукой подать... Но в реальности так же далека, как и в начале...

– Ну, чего сидишь, совсем охмурил?!

Пальцы молодого чеченца жестко сжались, больно перехватив плечевую мышцу. Петр Максимович взвизгнул, но упрямо не желал подниматься со стула. В кармане у него оставалось еще последнее средство, которое могло дать возможность продолжить игру, вот только заставить себя прибегнуть к нему, было нелегко, требовалось собрать в кулак все мужество и волю, отринуть, заглушить саднящий голос совести, доказать ему, что сияющая впереди цель, оправдывает любые средства ее достижения. В кармане пиджака Петра Максимовича в потертом бархатном футляре покоилось золотое кольцо с настоящим бриллиантом. Кольцо было его свадебным подарком жене, и вот уже двадцать лет бережно хранилось в их семье, считаясь чем-то вроде талисмана, обеспечивающего взаимопонимание и долгую, счастливую жизнь. В свое время Петр Максимович изрядно попотел, делая курсовые и дипломные работы для своих нерадивых сокурсников, чтобы заработать на это чудо. Жена называла бриллиант упавшей с неба звездой и не уставала восхищаться его красотой. Даже теперь, спустя столько лет кольцо извлекалось ею из специальной шкатулки лишь по самым

торжественным случаем. Сегодня такой случай настал и для Петра Максимовича. Воспользовавшись отсутствием супруги, он попросту выкрал кольцо из его всегдашнего вместилища. При этом, разумеется, успокаивая себя мыслью, что берет его лишь на всякий случай, на самый-самый крайний, которого просто наверняка не произойдет. К тому же, раз кольцо их с женой талисман, то вполне возможно, что именно оно принесет ему сегодня удачу.

Не принесло. Больше того именно теперь настал тот момент, когда надо было решиться и перейти последнюю черту своего нравственного падения. Этот чеченец, конечно, не откажется купить у него кольцо, он за время игры в этом зале и сам не раз наблюдал, всклокоченных с пустыми глазами наркоманов людей без проблем, обменивавших у зрителей на деньги часы, телефоны и украшения. С горькой улыбкой он вспомнил свои тогдашние мысли при виде этих бедолаг, смесь жалости с презрением, твердую уверенность, что уж он-то никогда не опустится настолько, чтобы оказаться на их месте. Но вот, видимо, пришла пора перейти и этот последний рубеж.

Он все тянул, не решаясь сделать этот роковой шаг, хотя рука уже сама собой предательски нырнула за пазуху, нашаривая маленькую бархатную коробочку. Петр Максимович, безусловно, знал в душе, что пойдет на это, вообще пойдет до конца, не останавливаясь ни перед чем, настолько завладела его чувствами и разумом рождающаяся в муках СИСТЕМА.

Но все же, эта игра в сопротивление с самим собой доставляла ему сейчас мучительное, извращенное удовольствие. Он с самого начала понимал, что не зря принес сюда выкраденное из дома кольцо, понимал, что пустит его в ход. Но как сладостно было думать, что этого не произойдет, что вот сейчас он прекратит игру, стряхнет с плеча руку дикаря-чеченца и, гордо вскинув подбородок, выйдет из зала, чтобы больше уже никогда сюда не вернуться.

Очередной рывок за плечо, сопровождающийся невнятным ругательством вырвал его из мечтательной задумчивости, заставив суетливо рыться в кармане, унижительной скороговоркой бормоча:

– Нет, нет, не надо, не трогайте меня... У меня есть... Есть... Сейчас...

Презрительно усмехнувшись Мансур отпустил дрожащего от страха очкарика, и с недоверчивым видом сложил руки на груди, изображая небывалое долготерпение. Он прекрасно знал, что последует дальше. Клиент за бесценок отдаст ему какую-нибудь дорогую для себя вещь, настолько дорогую и важную, что он берег ее до конца, до последней крайности, которая наступила сейчас. И это будет лишь первый шаг, он все равно проиграет полученные деньги, но не сможет остановиться пока будет что обменивать на следующую ставку. Так и станет менять сначала свои вещи и имущество, потом вещи и имущество близких, потом решится на кражу и так все ниже и ниже, каждый следующий взнос будет опла-

чен более гнусно, чем предыдущий, а там кто знает до какой глубины падения может дойти неверный гяур? Кто измерит всю гадость и подлость его жалкой душонки?

Итак, слова сказаны и отступить теперь больше некуда, можно больше не тешить себя иллюзиями и честно признаться, что кольцо с бриллиантом придется продать. Но даст ли этот дикарь за него настоящую цену? Сможет ли вообще оценить то, что ему предлагают? Дрожащие пальцы, наконец, нащупали бархат коробочки и потянули ее из кармана. Щелкнула, откидываясь, крышка и Мансур даже зажмурился от неожиданности, таким блеском засиял вроде бы небольшой вставленный в золотую оправу камень.

Петр Максимович зря волновался, если молодой чеченец и не был искушенным специалистом в ювелирном деле, то чутьем на дорогие вещи он обладал совершенно отменным и сразу сообразил, что колечко в руках у презренного гаска стоит немало. Однако Мансур не только умел правильно оценивать вещи, он еще на интуитивном, а может даже глубинном генном уровне впитал азы психологии покупателей и торговцев. Восточным людям вообще это свойственно, недаром же любой азиатский базар это не столько место купли-продажи, сколько пир лицедейства и актерского мастерства.

Мгновенно совладав с собой и согнав с лица даже малейшую тень удивления, Мансур презрительно выпятил нижнюю губу и тоном полным самой натуральной скуки поинте-

ресовался:

– Ну и зачем ты суешь мне под нос эту никчемную побрякушку?

Петра Максимовича вовсе не столь искушенного в подобных житейских коллизиях, несмотря на куда более солидный груз прожитых лет, от этих слов чуть удар на месте не хватил. Да, произошло именно то, чего он подспудно опасался, вчера спустившийся с гор дикарь разумеется не смог оценить того сокровища, что ему предлагалось, приняв его за дешевую бижутерию. Собственно из сложившейся ситуации было лишь два выхода.

Первый, взвешенный и разумный, заключался в том, чтобы спрятать кольцо обратно в карман и молча отправиться на поиски скупающего драгоценности ювелира, или на худой конец в ломбард. Но очевидным недостатком этого пути, делавшим его практически неприемлемым, была необходимость прервать игру, уйти от автоматов именно в тот момент, когда до окончательной победы над ними осталось всего одно, последнее усилие. Нет, пойти на такое Петр Максимович просто не мог, каждая секунда промедления буквально жгла его каленым железом.

Оставался второй вариант – убедить невежественного горца в ценности предлагаемой вещи. Тут тоже вырисовывалось достаточно много подводных камней, но по-крайней мере вопрос можно было решить на месте, никуда не отходя из зала, а значит максимально быстро вернуться к игре.

Естественно математик как человек рациональный и здравомыслящий выбрал второй вариант.

– Послушайте, – начал он, прокашлявшись, чтобы скрыть волнение и дрожь голоса. – На самом деле это очень дорогая вещь. Это настоящий бриллиант, причем очень чистой воды. И оправа из золота очень высокой пробы. Там, даже напечатано, изнутри...

– На заборе «хуй» написано, – блеснул знанием русских поговорок Мансур, пренебрежительно взмахнув рукой. – Сейчас кто угодно, что угодно написать может. Только дураки написанному верят. А ну дай посмотреть!

Бесцеремонным жестом он вырвал коробочку из потных пальцев математика и поднес к лицу, вглядываясь пристальней в игру искры света в золотой оправе. Да, несомненно, вещь стоила немалых денег, и вовсе не врет этот червяк, наверняка проставлена там и проба и вообще все как положено. Однако ему этого знать вовсе не обязательно.

– Ладно, – с видом человека совершающего благодеяние в ущерб себе произнес, наконец, Мансур, усмехнувшись в лицо тревожно заглядывавшему ему в глаза математику. – Дам тебе за эту дрянь пятьсот рублей. Десять ставок сможешь сделать. Хочешь, можешь сразу жетонами взять. Добрый я сегодня... Ну чего молчишь? Язык от счастья проглотил?

Петр Максимович действительно буквально онемел после слов молодого горца, но отнюдь не от счастья. «Пятьсот руб-

лей... пятьсот рублей... пятьсот рублей... – раз за разом заезженной пластинкой крутилось в мозгу математика. – И это за перстень, который обошелся ему в эту цену в благословенные советские времена! Немыслимо! Чудовищно!»

– Нет! – выкрикнул Петр Максимович во весь голос. – Нет, верните! Отдайте!

Негодование придало ему сил и смелости. Вскочив с неудобного высокого стула, он попытался вырвать коробочку с кольцом из рук чеченца. Не ожидавший ничего подобного Мансур в первый момент даже попятился от него. Но только в первый. Выпускать добычу из рук никак не входило в его планы, потому резко шагнув назад и в бок, он левой рукой спрятал коробочку с перстнем за спину, а кулаком правой коротко ткнул математика в солнечное сплетение. Не сильно, просто чтобы проучить, ну и сформировать устойчивый рефлекс на будущее. Чеченца трогать руками никому не позволено, а уж изначально рожденному трусливым рабом презренному гаску нельзя о таком даже помыслить. Так что будет этому борщу урок на будущее, авось пригодится, если это будущее у него вообще будет.

Петру Максимовичу еще никогда в жизни не было так больно. От страшного удара чеченца у него подкосились ноги, роняя его немалого веса тело на колени. Воздух будто бы стал вязким, тягучим и липким и намертво застрял в легких, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он только бестолково хватал его широко раскрытым ртом, но кислород внутрь отчего-то не

попадал. «Я сейчас просто напросто задохнусь!» – мелькнула паническая мысль. Тут же вытесненная мрачно-злорадным: «Ну и пусть, пусть. Зато, наконец, все закончится!» Однако тело вопреки мозгу хотело жить и продолжало, будто задыхающаяся на берегу гигантская рыба, хватать и хватать отчего-то ставший бесполезным воздух.

Несколько секунд Мансур с удовлетворением наблюдал за делом своих рук. Да, все получилось как надо и не покалечил, и запомнит этот урок вонючий гяур надолго. Будет знать, кто в этом мире хозяин, а кто раб, и где у раба место. Но хорошего помаленьку, пора и продолжить беседу. Наклонившись к лицу математика, заглядывая проникновенно в его выпученные от страха и боли глаза, Мансур начал свою вразумляющую речь.

– Ну и что ты, глупый ишак, на меня кидаться надумал, э? Жить надоело, или как? Если жить надоело, ты так прямо мне и скажи, я тебе головушку твою поганую живо отверну. Даже больно не будет. Веришь мне, э? Веришь, что правду говорю?

Дождавшись вымученного кивка, он продолжил:

– Значит так, за то, что ты на меня с кулаками полез, с тебя штраф взять полагается. Денег у тебя нет, значит, я эту твою безделушку вместо них как раз и заберу, так справедливо будет. Понял, да?

Стоящий перед ним на коленях математик что-то жалобное просипел в ответ, скорее просительное, чем возражаю-

щее. Но Мансур на всякий случай сурово сдвинул брови и даже замахнулся для пущей убедительности, с наслаждением наблюдая, как еще сильнее выкатились в испуге и так до предела выпученные глаза жертвы, как мелко затряслось от ужаса лицо.

– Что?! Ты еще не согласен?! Хочешь, чтобы тебя по полной программе наказали? Ты на кого руку поднял, хоть знаешь? Да тебя за это вместе со всей родней закопать положено! Этого хочешь, э?

Внутренне Мансур просто закатывался от смеха, с трудом удерживая на лице подобающее случаю суровое выражение, уж больно смешон и жалок был этот клоун, который, наверное, еще месяц назад, когда впервые появился в их зале, считал себя выше его, Мансура, считал, что он образованный и умный, а Мансур глупый и дикий. Ну и кто теперь круче, э?

Еле-еле продышавшийся Петр Максимович меж тем был совершенно деморализован и сломлен угрозами чеченца, он уже безоговорочно верил в их реальность, остро осознавал свою беззащитность и готов был на все что угодно, лишь бы все это, наконец, прекратилось. Ему уже не нужны были деньги, плевать он хотел на СИСТЕМУ, даже кольцо любимой жены он с легкостью оставил бы этому бандиту, просто за возможность уйти отсюда целым и невредимым. Этого собственно и добивался от своей жертвы Мансур, и вполне вероятно, получил бы желаемое, если бы в самый кульминационный момент разводки лоха, не звякнул вдруг мелодич-

но закрепленный над входной дверью колокольчик.

Мансур даже прищелкнул языком от досады, ну надо же, как не вовремя, за весь день главное ни одного клиента, а тут всего каких-то десять минут нужно было и вот на тебе, принесло кого-то. Что касается Петра Максимовича, то он настолько оглушен был происходящими событиями, что и вовсе не понял, что означал этот донесшийся от входа звон. Впрочем, для него это не имело никакого значения. Важным сейчас было только то, что жуткий чеченец, на секунду отвлекся от него, отвел в сторону свой колючий разбойничий взгляд.

Вошедший в зал молодой парень меж тем, без малейших эмоций оглядел открывшуюся перед ним сюрреалистическую сцену. Ни один мускул не дрогнул на его спокойном и неподвижном, словно застывшая гипсовая маска, лице. Можно было подумать, что он ежедневно видит, как чеченцы ставят на колени преподавателей математики и это зрелище уже настолько набило ему оскомину, что даже вглядываться подробнее и хоть как-то реагировать на такую банальщину лень. Тем не менее, Мансур не купился на столь явно обманчивое и демонстративное спокойствие визитера и не сводил с него настороженных глаз, словно ощупывая его взглядом, и на всякий случай примериваясь. Так обычно ведут себя встретившиеся посреди двора бродячие коты, с видом полного равнодушия оглядывающие друг друга, а на деле уже прикидывающие стоит ли кинуться в драку, или на-

оборот пора отступить, поджав хвост.

Парню на вид было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Ровесник Мансура, с той лишь поправкой, что дети на Кавказе рано взрослеют и уже годам к пятнадцати и выглядят, и поступают также как настоящие мужчины, разве чуть больше юношеской горячности у такого подростка, да чуть меньше веской мужской солидности, вот и вся разница. У русских же совсем другой подход, другая традиция. Может где-то в глухих деревнях, где с малолетства каждый ребенок это, прежде всего лишняя помощь в нелегкой повседневной борьбе за выживание, дело обстоит сходным образом. Да только где они, выходцы из тех деревень? Спиваются в синьку не дожив до совершеннолетия... В городах же молодежь живет по-другому, чем дольше просидишь на шее у предков, тем лучше. Какие там взрослые, мужские решения, какие дела? Тусовки, развлечения, секс без обязательств, и желательно чтобы папики все это оплачивали. Удивительно ли, что при столкновении лоб в лоб инфантильные, разбалованные русские мальчишки безнадежно проигрывают уверенным, нахрапистым горцам?

»Однако этот парень, похоже, совсем из другой породы», – интуитивно почувствовал Мансур, украдкой рассматривая, остановившегося у входа клиента.

Худошавая, но жилистая и подтянутая фигура визитера, говорила о серьезном отношении к спорту, причем неуловимая грация движений, будто плавно вытекающих одно из

другого, однозначно свидетельствовала о близком знакомстве с боевыми единоборствами. Сломанный с горбинкой посредине нос и спокойный уверенный взгляд, только подтверждали сделанный ранее вывод. Светлые волосы коротко острижены, почти наголо, и, как ни странно, проблескивают на висках сединой. Не рановато ли? Одет не броско, но добротно – светлая выгоревшая на солнце джинсовка, водолазка под горло, темно-синие джинсы, а через плечо болтается, несерьезный и даже какой-то неуместный аляповато раскрашенный рюкзачок. Что он его у какого-то пионера отобрал? Или нашел где-то на веранде детского сада? Мансур буквально зацепился взглядом за этот предмет экипировки клиента, уж больно он диссонировал с общим имиджем. Интересно, что он в нем таскает? Сменную обувь? Чеченец даже подхихикнул нервным смешком, представив себе эту картину.

Однако додумать до конца столь развеселившую его мысль незнакомец не дал. Видимо окончательно определившись как в дальнейшем вести себя, он решительно шагнул в полумрак игрового зала, с независимым видом прошел мимо замерших у однорукого бандита людей и остановился возле столика зрителя.

– Эй, есть кто живой? – голос прозвучал уверенно, по-хозяйски, в нем явно слышались недовольные начальственные нотки.

– Чего, кричишь? – ворчливо отозвался Мансур. – Не видишь, я здесь?

– Не вижу! – отрезал, круто развернувшись к нему паренек. – Мне нужен тот, кто отвечает за эту богадельню. А ты кто?

Чувствуя, как от наглости этого русака кровь бросилась в лицо, Мансур прошипел, еле сдерживаясь:

– Я сейчас здесь старший, чего надо?

– Ты? – презрение, явно прозвучавшее в голосе незнакомца, обжигало. – Если так, то хорош дрессировать лоха, и ползи сюда. Ты же здесь должен сидеть, или как?

– Э, неправильно говоришь... – зло прошипел Мансур.

Он никак не мог решить для себя, что делать с наглым клиентом. По-хорошему русак уже наговорил достаточно для того, чтобы заплатить за слова кровью. Никто не смеет говорить с гордым вайнахом в таком пренебрежительном тоне. Среди чеченцев нет рабов, которым можно приказывать, это русские все рабы, а чеченцы гордые, свободные люди. С другой стороны здесь не родные кавказские горы, а полный гасков чужой город, который он еще только завоевывает, здесь следует соблюдать предельную осторожность, действовать с хитростью и умом. Кто знает, что дает этому русаку смелость так разговаривать с ним? Кто он такой? Какие силы за ним стоят? Правильно ли будет вступать с ним в открытый конфликт? Или лучше промолчать, глотая прозвучавшие оскорбления? И так, и так выходило плохо. А какое из двух зол выбрать, Мансур никак не мог определить, потому и продолжал стоять как приклеенный на том же месте,

безнадежно теряя очки в том незримом соревновании крутизны, что шло сейчас полным ходом между ним и случайным клиентом.

Стриженный, кстати, не замедлил воспользоваться этой заминкой, чтобы уже окончательно закрепить свою моральную победу.

– Че ты там бормочешь, джигит? Тебя чего не учили вежливо себя вести с клиентами? А ну пулей сюда, долго мне еще ждать?

Как ни странно прозвучавшие еще более унижительно слова гаска, наконец, расставили для Мансура все по своим местам, сняв мучительную неопределенность. Действительно, клиент, это святое, тут можно слегка поступиться гордостью, ради выгоды. Так и дядя Аслан всегда говорил – клиент для тебя самое главное, угождай ему, как только можешь, терпи все его прихоти, помни, рано, или поздно он все равно приползет к тебе на коленях. Вот тогда и спросишь с него за все обиды. Но не раньше. И хотя Мансур работал в зале сравнительно недавно, он уже успел в полной мере убедиться в правоте мудрых слов дяди Аслана. Приползали, приползали, клянча денег на еще одно последнюю ставку, плакали, как женщины, молили стоя на коленях, те, кто прежде входил сюда гордой походкой хозяев, разговаривал через губу и всем своим видом демонстрировал презрение к диким необразованным горцам. Что ж, можно потерпеть и этого заносчивого наглеца, до поры, до времени, а там кто знает? Вполне воз-

можно удастся спросить с него за все. Не суетись и когда-нибудь труп врага пронесут мимо твоего дома... Успокаивая себя этими мыслями, Мансур подошел к столу зрителя и растянув губы в любезной улыбке, которая все равно не могла никого обмануть вежливо осведомился:

– Что Вы хотели?

– Так-то лучше, джигит, – покровительственно хмыкнул русак, небрежно уронив на стол пятисотку. – Поменяй на жетоны.

Мансур вновь задохнулся от возмущения, но чудовищным усилием воли сдержал безотчетный порыв, вцепиться обидчику в горло и резким рывком распахнул кассовый ящик. Испуганно задрезжали металлические жетоны, звякнула отдельно лежащая рублевая мелочь. Русский улыбался, кривой злой ухмылкой, он как в раскрытой книге читал по лицу чеченца обуревавшие того чувства, и явно наслаждался его беспомощной ненавистью. Чтобы не видеть этого издевательского взгляда, Мансур опустил глаза в пол, невольно зацепив на крепкой с характерно сбитыми костяшками кисти гаска кривую, неумелую татуировку, выполненную безыскусной синей тушью, «ВАРЯГ». Молодой чеченец не знал, что это значит, но слово на всякий случай запомнил, мало ли, пригодится. Тут же по аналогии всплыли в мозгу еще детские воспоминания, о зачистке в родном горном селе, когда вот такие же наглые, опьяненные собственной безнаказанностью и пролитой кровью солдаты, врываются в до-

ма, круша все на своем пути. У тех, кто громили его, Мансура, дом на руках тоже были татуировки. Три ненавистные буквы: «ВДВ», такие же корявые, отливающие синевой...

– Ну, ты чего, заснул что ли?

Грубый окрик вырвал Мансура из воспоминаний, он действительно, задумавшись, не подал клиенту положенные жетоны, хотя это и не повод повышать на него голос. «Нет, терпеть, терпеть, клиент всегда прав, до тех пор, пока платит!» – сцепив зубы, прошипел спасительную мантру чеченец. Вслух же произнес нейтрально вежливое:

– Извините, пожалуйста. Вот Ваши жетоны.

– В жопу себе засунь извинения, – буркнул, разворачиваясь спиной посетитель.

Это было уже слишком, ни один кавказский мужчина, ни при каких обстоятельствах не оставил бы таких слов без последствий. Мансура будто пружиной подкинуло из-за стола. Он готов был в куски разорвать обидчика. Но тут наткнулся на его взгляд, в ледяных, почти прозрачных глазах русака стыло нетерпеливое ожидание. Мансура будто обожгло изнутри: «Он специально меня провоцирует! Ему для чего-то надо, чтобы я полез сейчас в драку!» Это молнией мелькнувшее в мозгу осознание моментально все изменило. Последнее дело идти на поводу у врага, а что перед ним именно враг, Мансур теперь ни минуты не сомневался. «Нет, уж, не знаю, для чего тебе это нужно, но такого удовольствия я тебе не доставлю!» – запалено подумал молодой кавка-

зец, поспешно опускаясь обратно в мягкое офисное кресло. Злорадное ожидание в глазах русака последовательно сменилось, недоумением, а затем и явным разочарованием, и это тоскливое разочарование стало для Мансура целительным бальзамом на его душевные раны, значит, правильно угадал, не сделал ошибки.

– Ты что-то хотел, джигит? Чего вскинулся? – сделал последнюю неловкую попытку русак.

– Хотел пожелать Вам удачной игры, – расплылся в самой сладкой своей улыбке Мансур, про себя заливаясь злорадным хохотом.

Разочарованно качнув бритой головой, русский молча направился к автоматам. По пути вроде бы нечаянно задел мыском кроссовки по лодыжке все еще стоящего в полном обалдении лоха. Причем Мансур ясно видел, что удар, а это был именно удар, ничего общего со случайным касанием, русский нацелил точно и жестко, прямо в косточку.

– Встань, с колен, падаль. Не позорься! – прошипел зло, обернувшись к охнувшему от боли математику, и не обращая больше на него внимания, уселся за однорукого бандита, так влупив по кнопке пуска, что весь автомат затрясся и жалобно застонал.

»Ага, нервничаем! Злимся! – злорадно улыбнулся ему в спину Мансур. – погоди, то ли еще будет!» Про себя он решил не сводить глаз с опасного посетителя. Неспроста он явился сегодня в зал, неспроста... Уж наверняка, не для то-

го, чтобы тупо проиграть деньги... Странный парень, странный и неправильный... Не встречал еще здесь Мансур таких русских, там, дома, в горах, да, встречал... А здесь как-то не приходилось... Хотя успел повидать и местных крутых бизнесменов, и навороченных бандитов... Все равно были они не такие, все равно за напускной крутизной неизбежно прятались страх и неуверенность. Даже когда они брали на горло, грозно рычали, качали права, всегда за этой внешней, показной мужественностью и жесткостью, явственно чуялась постоянная готовность пойти на попятный. «Врубить заднего», как они сами говорили. Их слова и угрозы никого не пугали, потому что очень легко слетали с языка и очень недорого стоили... Странный же посетитель был словно бы из другой породы. За ним Мансур совершенно явно ощущал кровь, много крови... Он не пугал, не угрожал, но молодой чеченец ни на миг не сомневался, что этот действительно может воткнуть врагу нож в горло и даже не поморщится при этом. Не зря он напомнил ему зачищавших село десантников, за теми тоже чувствовалось это никак не проявлявшееся внешне, но безоговорочно ощущавшееся на интуитивном уровне превосходство над всеми остальными людьми, выразившееся в умении убивать и готовности это делать. Чудно. Он уже привык, что те страшные гаски остались где-то далеко в прошлой жизни. Что здесь его окружают люди совсем другого склада, не способные ни отстоять свое имущество, ни защитить честь свою и своих близких, трусливые и мягкотелые.

И вдруг, будто напоминание из давно и успешно забытого детского кошмара возникает этот парень. Зачем он вообще пришел сюда? Чего хочет? Надо будет следить за ним повнимательнее...

Однако ничего необычного в поведении клиента не было, разве что складывалось подспудное впечатление, что результат игры его вовсе не заботит. Очень уж быстро он швырял жетон за жетоном в прорезь однорукого бандита, казалось, очередная ставка отправлялась в прожорливую пасть, даже раньше, чем окончательно останавливались, выдавая результат прошлой игры, вертящиеся внутри барабаны. Этак ему пятисотки не хватит и на десять минут, такими-то темпами! Еще заметил Мансур, что стриженный постоянно косится украдкой на циферблат больших «Командирских» часов. Ждет кого-то? Куда-то торопится? Нет, странный какой-то клиент, неправильный... Как бы беды не было...

Может быть звериное чутье молодого горца и сослужило бы в этот день ему добрую службу, как знать... Но в самый разгар наблюдений за неправильным клиентом, его отвлек пришедший в себя Петр Максимович. Нелепо согнувшись в каком-то извращенном полупоклоне, он с заискивающей улыбкой бочком придвинулся к столу зрителя, напомнив о своем существовании сдержанным покашливанием.

– Чего тебе еще? – недовольно покосился на него Мансур.

– Так, это... как же... деньги же, Вы обещали... – замямлил, страдальчески закатывая глаза и заламывая руки, мате-

матик.

– Ну, обещал, – ворчливо буркнул чеченец. – Обещал, значит дам.

Настроения разводить лоха уже не было, потому кураться над абсолютно сломленным человеком он не стал, да и какой интерес, не мужчина, тряпка половая, кто угодно ноги вытереть может.

– На, забирай! Один хрен все проиграешь!

Горстка жетонов мелодично звякнула о столешницу, и Петр Максимович жадно схватил их дрожащими пальцами, сгреб в ладонь, нежно поглаживая и любовно пересчитывая. Все, все, что осталось у него в этой жизни, все надежды и планы на будущее воплотились сейчас в этих невзрачных серых кружочках. Он почти любил их, шептал им что-то заветное, ласковое... Вот только их было мало. Очень мало!

– Но постойте! – голос математика дрожал от волнения. – Вы, наверное, ошиблись! Это же не все! Этого мало!

– Тебе хватит, ишак... – лениво протянул Мансур. – Забирай, иначе и этого не получишь...

– Но как же? Это ведь не честно! – за толстыми стеклами очков глаза математика наполнились горькой влагой, и уже были готовы брызнуть мелкими злыми слезами.

– Честно, не честно! Пошел отсюда, свинья, или помочь тебе?! – Мансур всерьез разозлился, бестолковый лох, мешал ему присматривать за опасным клиентом.

Поняв, что больше ничего не добьется, несчастный Петр

Максимович, что-то жалобно бормоча себе под нос, развернулся к чеченцу спиной, закрыв на мгновение своей дородной фигурой, от него сидящего за одноруким бандитом парня. Всего одно мгновение, секунда, ничтожный промежуток времени, но именно в этот момент, странный клиент закончил свою игру и двинулся к выходу. При этом ярко раскрашенный рюкзачок, стоявший у него в ногах, он как бы невзначай подвинул мыском кроссовки в узкую щель между автоматами, в тень, подальше от посторонних глаз. После чего поднялся, удовлетворенно хмыкнул, остро глянув в очередной раз на часы, и заторопился к выходу. Петр Максимович, поглощенный своим горем, маневра незнакомца с рюкзаком не заметил. Мансур из-за широкой, мелко вздрагивающей в бесшумном плаче спины горе-преподавателя, тоже ничего не углядел. А уж точно определить сидя в полутемном зале с расстояния в десяток метров с рюкзачком выходит на улицу клиент, или без, было и вовсе невозможно. Да Мансур особо и не присматривался, поняв, что ничего страшного вопреки ожиданиям не случилось и вызвавший столько беспокойства клиент наконец уходит, он испытал только лишь облегчение. Ну его к шайтану, странный русский, непонятный, кровью от него просто смердит, пусть лучше топает своей дорогой, и чем дальше от него, Мансура, тем лучше...

Петр Максимович меж тем расстраивался не долго, не зря говорится, что нет худа без добра, да и в народе справедливо подмечено, жизнь – тельняшка, полоса белая, полоса

черная. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь... Только что он готов был провалиться с головой в бездну отчаяния, от так бездарно потерянного кольца с бриллиантом, практически семейной реликвии. Да, да, именно потерянного! Жалкую кучку игровых жетонов даже самый закоренелый оптимист не счел бы в данном случае справедливой компенсацией утраты. И тут произошло то, что иначе, как знамение свыше расценить было просто невозможно. Да, именно так, и никак иначе. И ведь он чуть было не прошел мимо занятой своим горем, хорошо, что неверный перемигивающийся свет завлекательно горящих лампочек именно в этот момент упал под нужным углом, яркой звездочкой высветив забытый незнакомцем жетон. Факт сам по себе уже невероятный. Чтобы игрок забыл на автомате жетон! Да такого просто не может быть! Скорее небо упадет на землю, и разрушаться сами собой все законы мироздания! Но, тем не менее, яркая звездочка, отразившись от полированной металлической поверхности, вспыхнула лучиком и тут же погасла.

Не веря себе, Петр Максимович остановился, с подозрением осмотрев однорукого бандита. Чудо казалось слишком невероятным, но еще более сверхъестественный характер, ситуация приняла через несколько секунд, когда математик заметил выпавшую на барабанах комбинацию. У него даже дух захватило, когда он осознал, что именно сейчас видит. Пусть его СИСТЕМА и не была еще отработана полностью, нуждалась в шлифовке и коррекции, но для некоторых част-

ных случаев, она уже могла быть применена практически со стопроцентной гарантией. «Ну пусть, будет девяносто девять процентов, – из боязни сглазить удачу, осторожно осек Петр Максимович галопом скачущие мысли. – Как известно, сто процентов гарантии не дает даже Господь Бог». Подумал и тут же испуганно перекрестился, мелким незаметным движением, не хватало еще вульгарным поминанием Господа всеу спугнуть замаячившую на горизонте удачу.

Нет, это определено был знак высших сил, кто-то там, наверху, наконец-то сжалился над несчастным преподавателем математики и решил взять под свою защиту. Иначе такое совпадение толковать просто нельзя. Ну посудите сами: забытый на стойке автомата жетон и редчайшая предвыигрышная комбинация обещающая полный джек-пот на барабанах того же автомата. Есть от чего поверить во вмешательство всемогущего Фатума, право слово!

Первым делом Петр Максимович крепко зажмурил глаза, досчитал медленно до десяти и, сделав глубокий вдох, вновь взглянул на автомат, в полной уверенности, что вот сейчас сладостный мираж рассеется и либо исчезнет заветная комбинация на барабанах, либо пропадет неведомо как материализовавшийся здесь жетон. Он уже внутренне готов был считать все происшедшее лишь злой насмешкой подступающего вплотную нервного расстройства. Но нет, жетон по-прежнему тускло отблескивал в полумраке и на барабанах застыли нужные цифры. Те самые, персонально им вычис-

ленные «тройка, семерка, туз», открывавшие путь к богатству и успеху.

Затаив дыхание Петр Максимович шагнул к автомату, еще до конца не веря себе, протянул руку к жетону, ощутил подушечками пальцев его гладкую прохладную поверхность. И только тут окончательно убедился в реальности всего происходящего. Все унижения, муки совести и страхи были мгновенно забыты, вышвырнуты из головы и из сердца, душа наполнялась радостным предвкушением успеха. Все, теперь все уже позади, дальше все будет замечательно, жизнь обернется сплошным праздником. Потому что деньги способны расцветить всеми цветами радуги и наполнить счастьем любое прежде унылое и мрачное существование, а денег у него теперь будет неограниченное количество. Хватит на все, и на всех... Последнее он подумал с затаенной угрозой, покосившись на развалившегося в кресле чеченца. Да, да, когда он станет богатым и знаменитым, когда у его ног будет покорно лежать весь мир, он обязательно сторицей воздаст всем друзьям и недругам. Вознаградит хороших людей и накажет плохих! Ах, сколько всего замечательного и приятного его ждет в новой жизни, в той, что начнется прямо сейчас.

Трижды перекрестившись и поцеловав на удачу, чудесно появившийся ниоткуда жетон, Петр Максимович чувствуя, как сердце замирает в предвкушении победы, ласково подтолкнул заветную железку в ждущую прорезь автомата. Зна-

комый мелодичный звон упавшего жетона, отозвался в ушах победным гимном. Взмокшая потом от волнения рука, легла на кнопку пуска.

– Ну, с Богом! Поехали!

Прихотливо соединив в одной фразе религиозное обращение к высшим силам, с боевым кличем первого космонавта, коммуниста и безбожника, Петр Максимович легко, будто лаская податливое женское тело, надавил на пластиковую кнопку, запуская барабаны в их извечный бег по замкнутому кругу. Бег, просто обязанный на этот раз закончиться извержением града, накопленных одоруким бандитом жетонов.

Смутное беспокойство Мансур почувствовал почти сразу, после того, как ушел так непонравившийся ему клиент. Что-то было не так. Вроде ничего явно не изменилось, но в душе нарастала беспричинная тревога, захлестывала мутным валом, грозя с минуты на минуту обернуться самой настоящей паникой. Какое-то время он пытался бороться с собой, пробовал думать о чем-нибудь постороннем, приятном, но страх, а теперь уже точно можно было сказать, что это именно он, не проходил. Наоборот, с каждой секундой делался все сильнее. Неведомая сила гнала Мансура прочь, на улицу, как можно дальше от этого места. «Здесь опасно, здесь смерть!» – казалось в голос вопила каждая клеточка его тела. Сопrotивляться этому беззвучному крику с каждой секундой становилось все труднее. Мансур даже поднялся было на ноги, но тут же недюжинным усилием воли заставил се-

бя вновь опуститься в кресло. Уйти, бросив доверенное ему рабочее место, невозможно. Это все равно, что солдату бросить без приказа пост. Нет, на это он не пойдет. Да и что за глупые страхи? Что может с ним произойти здесь, практически в собственном доме? Он мужчина и готов справиться с любой угрозой, а на худой конец, прямо под столешницей приделана тревожная кнопка. Милиция будет здесь через пять минут после нажатия, а родня во главе с дядей Асламом, скорее всего, подтянется даже раньше официальных представителей власти. Надеясь вернуть утраченное равновесие, он даже потрогал заветную кнопку пальцем, но вместо прилива уверенности, прикосновение вызвало лишь острое разочарование.

Не то, все это не то! От надвигающейся угрозы не защитит дурацкая кнопка, бессильной окажется щедро оплаченная милицейская крыша, и даже все родственники, весь их семейный клан не спасут от беды Мансура, если он немедленно, сейчас же не побежит отсюда прочь со всех ног. Паника нарастала, захлестывая его с головой, уже не было никаких сил сопротивляться этому мутному тяжелому валу.

Мансур решительно встал из-за стола и направился к выходу все ускоряя шаги. Будь что будет, он никуда не уйдет, просто выйдет покурить на улицу. В конце концов, что может случиться за пять минут его отсутствия? Ничего. Касса надежно закрыта на ключ, в зале только абсолютно безопасный лох, намертво прилипший к однорукому бандиту. Ни-

чего угрожающего. Так почему бы зрителю не выйти на пять минут покурить? Он знал что лукавит, что обманывает сам себя, но чем-то ведь нужно было успокоить, пресловутое горское самолюбие. Вот он и придумал эту отмазку и старательно пытался в нее поверить. Да, я просто иду покурить, заодно подышу свежим воздухом. Ничего необычного, вовсе я ничего не боюсь.

И это не смотря на то, что последние метры до ведущей на улицу двери он уже почти бежал.

Петр Максимович жадно следил за вертящимися барабанами, в этот момент в окружающем мире остались только они, все остальное пропало, сделалось мелким и неважным. Сейчас для него существовали лишь эти бегущие по кругу цифры и другие, те, что сменяли друг друга у него в голове, отсчитывая секунды этого бешеного вращения. Кнопку «стоп» следовало нажать точно на одиннадцатой секунде, не раньше, но и не позже, от этого зависело все. Восемь... Девять... Десять... Вспыхивали и гасли яркие огни на невидимом табло. «В первую очередь нужно будет выкупить назад кольцо. Обязательно выкупить. И большой букет чайных роз. Девять штук. Нет, одиннадцать, по числу секунд... и дочке что-нибудь... Плеер там... Или что у них, у молодежи сейчас в моде?» – летели цепляясь друг за друга вздорные, сумбурные, но такие приятные мысли. Впервые за последние несколько месяцев Петр Максимович был счастлив. Одиннадцать... Резко, боясь пропустить момент, ладонь всей тя-

жестью шлепнула по кнопке. Течение времени замедлилось, став плавным и вязким. Математик явственно ощутил, как прогибается под его усилием держащая кнопку пружина, как с едва слышным скрипом останавливаются, замедляя свой бег барабаны. Семь. Семь. Семь. Еще семерка! И еще! Пять семерок! Полный джек-пот! Да! Все получилось! Все было не зря! СИСТЕМА работает! Работает! Все еще пребывая в том же счастливом замедлении, растягивающем миг торжества до невероятных размеров, он каким-то сверхчувственным восприятием ощутил, как невидимый рычажок в железных недрах автомата со звоном соскочил с упора, открывая дорогу потоку проглоченных ранее ненасытной утробой однорукого бандита жетонов. Уловил сладостный звон их, двинувшихся в последний путь до выигрышного лотка. И еще какой-то посторонний звук откуда-то сбоку и снизу, сухой щелчок и последовавший за ним еле слышный хлопок.

А потом в лицо математику плеснуло пламя. Он мгновенно ослеп и оглох от невыносимой, непредставимой боли, разрывающей на части тело, выворачивающей наружу внутренности. К счастью боль длилась недолго, налетела мгновенным порывом и исчезла. А на смену ей пришла чернота, пустая и холодная, несущая с собой вечность и абсолютный покой. И уже не важен стал такой необходимый выигрыш, не важен наглый чеченец и проданное за бесценок кольцо... Черноте было не до таких мелочей и Петр Максимович растворился в ней, распадаясь на отдельные атомы и молекулы,

становясь ее частью... Такой же пустой и холодной...

За секунду до взрыва, выскочивший на крыльцо зала игровых автоматов Мансур, все же заставил сами собой несущие его ноги остановиться. Закусив губу, чтобы болью подавить страх, принялся рыться по карманам. Он же вышел сюда покурить, так? Так. Ну так вот он сейчас и покурит, успокоит никотином расшалившиеся нервы, подышит воздухом и спокойно войдет обратно. И страх неизбежно отступит, уйдет. Он еще посмеется над своей глупостью, всего через несколько минут, надо только собраться и закурить. Непослушные дрожащие пальцы чуть не разломали пополам с трудом вытянутую из пачки сигарету. Теперь еще найти зажигалку. Куда же он ее дел? Ах да, кажется, в заднем кармане джинсов... Мансур уже почти нащупал пропажу, когда здание за стеной ощутимо качнулось, будто набравший в грудь воздуха великан, а потом ударивший в спину горячий ветер вынес молодого чеченца вместе с тяжелыми металлическими дверями прямо на середину улицы, бросив сломанной куклой на жесткий асфальт. Искореженные обломки двери с силой ударили по пояснице. Мансур еще успел услышать, как у него внутри что-то мерзко хрустнуло, разламываясь на части. После уже не было ничего.

Коротко стриженный молодой человек в светлой джинсовке неторопливо шел вдоль по улице. Улыбался светлой мальчишеской улыбкой встречным девушкам, подмигивал тем, что улыбались в ответ. Проходя мимо брошенной кем-

то жестянки из-под колы, ловко отфутболил ее в сторону ближайшей урны. Лицо его было спокойным и расслабленным, как у человека наконец-то закончившего тяжелую и ответственную работу и теперь с полным правом предающемуся заслуженному отдыху. Когда где-то в соседнем квартале тяжело и раскатисто гроыхнуло, он и ухом не повел, как впрочем, и большинство прохожих, мало ли что где может греметь? Но если бы кто-нибудь из спешащих мимо по своим делам людей удосужился в этот момент внимательно понаблюдать за молодым человеком, то непременно отметил бы, как сразу после грохота он быстро взглянул на часы, а лицо его всего на мгновение сбросив маску праздной скуки, приняло вдруг жесткое хищное выражение, впрочем, тут же сменившееся прежним безмятежным довольством окружающим миром.

Варяг и в самом деле испытывал в тот момент немалое удовлетворение. Все прошло как надо, бомба сработала точно в установленное на таймере время, что для самоделки уже неплохо, а судя по интенсивности долетевшего даже сюда звука, основную свою функцию она тоже выполнила исправно. Чем не повод для радости и законной гордости за дело своих рук?

К месту сбора Андрей подошел минута в минуту, точность в организации поощрялась, а опоздание на встречу перед акцией было не просто дурным тоном, а и вовсе грани-

чило с преступлением. Варяга, расслабленно откинувшегося на спинку деревянной лавочки у подъезда, он заметил сразу, а вот отиравшиеся рядом с ним двое рослых плечистых парней оказались незнакомыми. Что ж, ничего странного в этом не было, такой уж заведен порядок, каждый знает только тех, с кем непосредственно контактирует, а все члены организации известны, пожалуй, одному только Учителю. Говорят, он лично проводит собеседование с каждым новичком, и уже в ходе этого общения определяет, на что тот способен и какое дело ему правильнее всего поручить. Андрей улыбнулся про себя, да уж, далеко не всем повезло так, как ему и ребятам из его группы. Они имели возможность видеть Учителя каждый день, и пусть даже не всегда удавалось пообщаться с ним без посторонних ушей, но уже одно его присутствие рядом вселяло в каждого уверенность, бодрило и настраивало на беззаветное исполнение своего долга перед страной, православной верой, Родиной и нацией.

Все еще светло и радостно улыбаясь Андрей подошел к лавочке и крепко пожал в локте протянутую Варягом руку, в свою очередь ощутив, как на мгновение сжались чужие пальцы обхватывая его бицепс. Пожатие было жестким, но коротким, дружеским.

– Парни, это 43-ий, – представил его остальным Варяг. – Знакомься, это 21-й и 15-й.

Это привычно, вместо имен и прозвищ у членов организации личные номера, они же позывные. Андрей обменял-

ся рукопожатиями с молчаливо и испытующе глянувшими на него парнями, сам оглядел их с пристрастием, стараясь распознать заранее, почувствовать нутром малейшую слабость, самую мелкую червоточину. Нет, вроде все в порядке. Прямые уверенные взгляды, спокойные расслабленные лица. Оба жилистые, хваткие, костяшки характерно стесаны, как впрочем, у любого из своих, кроме разве что самых зеленых новичков. Становление настоящего бойца начинается с боксерских залов, ринга и мешков с песком. Сила духа воспитывается через силу тела, иного пути нет.

– Где твоя пара? – прищурившись, глянул на Андрея Варяг. – Опаздывает?

Вопрос задан был спокойным расслабленным тоном, но Андрей явственно почувствовал, как где-то в мозгу звякнул тревожный колокольчик, за нарочитым спокойствием Варяга всегда пряталась злая, разрушительная энергия, запретельная жестокость, как к самому себе, так и к другим. Если уж совсем честно, то Андрей его даже побаивался, хотя и знал уже давно, и отношения у них складывались вполне нормальные внешне даже слегка походившие на дружеские. Однако, бывало, спросит он вот так, глянет пристально, из-под сощуренных век, и будто холодом могильным обдает собеседника. Станный человек и страшный, выделяющийся даже среди членов их Братства Северного Ветра, где каждый опытный, не раз побывавший в реальном деле боец, имеющий на личном счету не одного уничтоженного врага.

Недаром Учитель держит Варяга за правую руку и почти всегда назначает старшим на рискованных акциях прямого действия. Но надо что-то отвечать, говорить, объяснять, причем так, чтобы ни в коем случае не показать, что ты оправдываешься. Закон прост и ясен: начинаешь оправдываться – значит, не прав. Чертов Мишка, ну что он не мог прийти вовремя, или хотя бы позвонить предупредить, чтобы знать, что сейчас врать Старшему Брату? Вот ведь знал, что так будет, знал!

Мишка Боксер, а в Братстве Северного Ветра 52-й, был давним приятелем и одноклассником Андрея. Надежный, смелый и крепкий парень, незаменимый в драке. Хладнокровный и спокойный на акциях, весельчак и балагур на отдыхе он был хорош всем, кроме вот этой своей манеры вечно всюду опаздывать. «Начальство не опаздывает, а задерживается!» – эта немудрящая присказка в его устах звучала постоянной дежурной фразой, и произносилось по десять раз на дню, отсылаясь к самым разным адресатам, от товарищей по забавам, до школьных учителей и родителей. «Вот будет тебе сейчас «начальство»!» – с мрачным злорадством подумал про себя Андрей, глядя на простенькие наручные часы. Пятнадцать ноль три, а собирали ровно в пятнадцать, в принципе пятиминутные задержки допускаются. Надо напомнить об этом Варягу, чтобы не кипятился раньше времени, вот только если Мишка не явится в ближайшие две минуты, это напоминание дорого обойдется им обоим.

Андрей уже открыл было рот, чтобы деликатно поправить Старшего Брата насчет прошедшего времени, как рядом с лавочкой затормозила обшарпанная «шестерка» без номеров, зато с наглухо затонированными стеклами.

– Привет, всей честной компании! Пивка попить собрались? – из водительского окна высунулась жизнерадостная физиономия Юрки Гороха, номер 47-й.

А с заднего сиденья, протискиваясь вперед вихрастой рыжей башкой, уже выбирался Мишка Боксер собственной персоной. Андрей с облегчением перевел дух. Слава Богу, все было в порядке. Их двойка прибыла на место встречи вовремя и в полном составе, даже у взыскательного Варяга никаких претензий к ним быть не может.

Прислушавшись к себе, Андрей вдруг с удивлением осознал, что возможное недовольство старшего, волнует его сейчас куда больше, чем сама предстоящая работа. Это что же получается, я как прусский гренадер, боюсь палки капрала, куда больше, чем готового меня убить противника? Мысль показалась неправильной и неприятной, и Андрей постарался тут же отогнать ее прочь, тем более, что из машины уже вылезли и подходили к лавочке Мишка и Веня Сапер, номер 34-й, пожимая всем присутствующим локти, фирменным приветствием Братства. Гороху как всегда фонтанирующему кипучей жизненной энергией формального приветствия не хватило, и он полез ко всем обниматься, подпрыгивая из-за своего малого роста и звонко хлопая подвернув-

шихся под руку по спинам и плечам, от избытка чувств заливаясь смехом и поминутно пытаюсь что-то рассказывать. Веди себя так кто-нибудь другой, Андрей, безусловно, принял бы это за мандраж перед акцией, но Горох, был всегда одинаков, радовался жизни во всех ее проявлениях, и более позитивного человека трудно было сыскать.

И опять Андрея что-то неприятно кольнуло под сердце. Вот ведь как странно и страшно устроен мир. Все они: и угрюмый Варяг, и хохочущий невесть над чем Горох, и рыжий Мишка, и застенчивый, до приторности интеллигентный Веня, и эти двое, которых он знает лишь по номерам, всего через несколько минут пойдут убивать. Убивать и, если понадобится для дела, умирать. Встретят лицом к лицу саму Смерть в очередной схватке священной войны, которую Братство ведет уже много лет. А мимо будут идти ничего не подозревающие люди, малыши будут возиться в песочнице и строить куличики, пенсионеры станут греться на солнышке и судачить о новостях в телевизоре... Нет, конечно, все это правильно. Каждому свое. Кому-то биться за веру, свободу и общее счастье, без колебаний принося на алтарь победы кровь, а то и саму жизнь. Кому-то в счастливом неведении вести однообразное существование обывателя, в котором самым страшным потрясением будет очередное повышение цен на сахар, или бензин. Это правильно, так и должно быть. Но насколько было бы легче идти в бой, если бы нас провожали на битву восхищенные и тревожные де-

вичьи взгляды, если бы нас благословляли и крестили в спину родители. Если бы после акции не надо было уходить, путая следы и уничтожая улики, а можно было просто прийти домой, сесть, устало уронив руки, а благодарные родные не знали бы как тебе угодить, гордились тобой, а все знакомые и соседи поддерживали, кто чем может... Люди, что же вы? Ведь мы ведем эту войну ради вас! Мы защищаем вас! За что же в ответ вы плюете нам в лица, почему смотрите на нас с ужасом и негодованием? Почему все так несправедливо и неправильно?

– 43-й, ты чего, заснул что ли? О чем задумался? О бренности земного существования?

Варяг улыбался. Так, как умел улыбаться только он: губы растягивались в тонкую линию, не разжимаясь и просто расходясь в стороны, а глаза при этом оставались такими же как всегда, жесткими и колючими, ни малейшей искры веселья обнаружить в них было нельзя. Андрей вдруг подумал, что ни разу за несколько лет, что они знакомы он не слышал, как Варяг смеется. Даже представить себе не мог, как он это делает. Максимумом из проявления положительных эмоций, была вот эта словно наклеенная на лицо улыбка, от которой малознакомых с ним людей пробирал озноб.

– Ничего, не парься, уж кто-кто, а ты точно отправишься прямиком в рай...

Эта тема служила неисчерпаемым источником добродушных шуток и подначек. Дело в том, что из всего Братства,

истинно фанатичными православными христианами, старательно соблюдавшими церковные установления, были всего несколько человек. И Андрей по части ревностности в соблюдении заповедей Господних, пожалуй, далеко опережал их всех. От того и являлся в компании бессменной мишенью для незлобивых острот. Остальные конечно тоже верили в Бога, ортодоксальное православие являлось стержневой идеологией Братства, без него никуда. Но их вера была более поверхностной, более спокойной...

Андрей лишь обезоруживающе улыбнулся, виновато разводя руками, со своими ни спорить, ни ссориться не хотелось. Пусть прикалываются, ежели есть охота, они же это не со зла, просто тоже нервничают, переживают. Всех мандражит перед акцией, даже самых крутых и безбашенных, в этом Андрей не раз убеждался на собственном опыте. Разве что такие полные отморозки, как Варяг, не волнуются перед боем, да и то навряд ли. Просто лучше владеют собой, умеют не выпускать бушующие внутри эмоции наружу.

А ведь и в самом деле подставился, ишь, размечтался о всеобщей любви и признании. Это уже похоже на грех тщеславия, тоже мне возжелал благодарности за дело, которое и так должен делать, именем Господа и волею его. Нет, что-то сегодня, по части греховных мыслей явный перебор, надо быть внимательным, следить за собой. Как это у Розенбаума, в песне про летчика-камикадзе... «Мне взрываться за других есть резон!» Да, именно так, и никак иначе, не даром

сказано, что нет больше той любви, чем у того кто жизнь положит за други своя. И не важно, будут ли знать о его жертве эти самые други. Да и не нужно на самом деле им ничего знать. Господь и так все видит и знает, ибо всемогущ и всеведущ, а мирская слава – тщета и суета. Для чего она человеку, посвятившему себя небу?

– 43-й, все, шутки кончились. Возвращайся из космоса, – в тоне Варяга прорезалась холодная сталь.

Андрей тут же выругал себя, за то, что вновь отвлекся, уплыв с грешной земли в высокие богословские эмпирии, и настроился внимательно слушать. Тем более старший как раз начинал ставить задачу. До этого момента никто из участников не знал, для чего конкретно их здесь собрали, потому слушали затаив дыхание, ловя каждое слово, впитывая произнесенные инструкции, как губка.

– 47-й, аргументы привезли?

Враз посерьезневший под взглядом Варяга Горох, ответил против обыкновения лаконично и по существу, без обычных своих приколов:

– Все что заказывали, плюс два букета роз по пять штук.

– Отлично, – Варяг жестом пресек недоуменный шепот. – Розы тоже понадобятся. Теперь слушаем сюда внимательно.

Коротко стриженные головы младших братьев склонились к сидящему на лавочке Старшему в предельном внимании.

– Работаем через два двора отсюда. Адрес: Пионерская 27, квартира 16. На самом деле там будут две трехкомнат-

ные, соединенные в одну. Но вторая дверь глухая, так что входить будем через номер 16. Квартиры на первом этаже, на входе будет вывеска «Арт. студия «Белиссимо»». Хозяин ара, зовут Ариэль, фамилия Гаспарян. Вот фотка, и запомните, он нужен живым.

Качественное цифровое фото пошло по рукам. Андрей пристально взгляделся в изображение Гаспаряна, снятого в момент посадки в сверкающую дорогим черным лаком иномарку. Лет сорок, слегка оплывшее, одутловатое лицо, неизбежный пивной живот и десяток килограммов лишнего жира, характерная армянская чернявость и горбоносость, пошлые усики-стрелочки и пухлые губы, выдающие склонность к любострастью. Мерзкий тип стареющего плейбоя, похотливого развратника и зажавшегося быдла... Андрей даже сплюнул от накотившего вдруг отвращения. Ишь, жаба животастая, поди, ведь вечерами русских девчонок по клубам снимает, скот! Челюсти помимо воли свела гримаса ненависти, крепко до хруста содранной эмали.

– На самом деле под вывеской этой артстудии, самый обычный закрытый бордель для своих. Закрытый, потому что работают там малолетки. Шесть девчонок от десяти, до двенадцати лет и двое таких же пацанят. Беспризорники, или дети алкашей. На улицу не выходят, там и живут. Искать их тоже никто не станет. Работают, понятно, не за деньги, за жратву, ну и чтобы не били.

Андрей подивился, как точно угадал, с одного взгляда

на ненавистное черное мурло. Вот только действительность оказалась еще гаже, чем он себе представлял. Блядь, ну почему всегда так, а? Почему у нас дома, нас же убивают, насилюют, издеваются всячески, а мы лишь, как бараны покорно топаем на бойню? Сука, когда же это кончится-то, наконец? Когда наши дебилы оторвутся от телевизоров и посмотрят вокруг себя? Господи, хоть ты помоги! Больше-то вряд ли кто уже сможет...

– Еще там же снимают порнофильмы. Актеры понятно кто. Причем дело поставлено на поток. Наши выходили на этого Гаспаряна, по поводу оптовой закупки, для любителей детской «клубнички». Он без вопросов пошел на контакт, значит, объемы вертит солидные. Всем понятно, на какое дело идем?

Бритые головы синхронно качнулись сверху вниз. Да, понятно, чего там...

– Все понимают, что дело нужное? Что никто кроме нас не сделает?

Вновь молчаливый кивок.

– Хорошо, тогда конкретный разговор. Вот план квартир, смотрите, запоминайте, что непонятно спрашивайте.

Сложенный вчетверо листок из ученической тетради в клетку пошел по рукам, так же как перед ним фотография. План оказался нарисован толково, вопросов не возникало.

– Видите, у них там две зоны. Налево сама студия для съемок, и там же жилые комнаты для ребятни. Направо три от-

дельные комнаты, где развлекаются клиенты. 15-й, 21-й сразу уходите налево и все там зачищаете, не оставлять никого. Невинных там не будет. 43-й, 52-й – ваша сторона правая, инструкции те же. Понятно?

Андрей коротко кивнул, сглотнув подкативший к горлу комок. Мишка тоже подтверждающе качнул головой, понял, мол.

– Если кому попадется сам Гаспарян, помните, не убивать, брать живым. Он нужен. Брать можно жестко, но так, чтобы смог потом говорить. Все ясно?

– Как попадем внутрь? – это 15-й.

Что ж правильный вопрос, заданный спокойным деловым тоном. Мысленно Андрей записал незнакомому парню плюс.

– Вход в два этапа. Сначала вы с 21-м. Код на подъезде 14, хорошая примета, – Варяг скалится своей мертвой улыбкой. – И не забудете верняком.

Да действительно, знаковое совпадение. 14 – количество слов в культовой фразе Дэвида Лэйна, давно ставшей девизом защитников белой расы. «We must secure the existence of our people and a future for White children». Мы должны защищать свою расу ради будущего белых детей. В русском переводе слов всего девять, но обычно предпочитают считать по оригиналу. Еще очень часто чтобы не заморачиваться на англиш, в разговорной речи говорят просто – «четырнадцать», понимая, что под этой цифрой подразумевается. Устойчивый, давно прижившийся оборот, а иногда и боевой клич.

– С собой берете букет из машины. Если кто-то вдруг спросит, ну мало ли, бабушки на лавочке, пенсионер какой особо дотошный, идете на день рождения к Ленке Симаковой из 30-й квартиры. Там такая действительно обитает, и днюха у нее как раз сегодня. Восемнадцатилетие, а вы ее однокурсники по пединституту. Входите, поднимаетесь на второй этаж, ждете там остальных. Ясно?

– Вполне, – это снова 15-й.

Его напарник и вовсе ограничивается кивком. Немногословные ребята, но это и хорошо. Слово оно, конечно, серебро, но молчание-то – золото.

– Хорошо, – Варяг, похоже, тоже доволен спокойной деловитостью младших братьев. – Теперь с вами...

Холодный взгляд привычно сощуренных глаз останавливается на переносице Андрея, неприятный, нервирующий из-за абсолютной невозможности его поймать, глянуть Старшему Брату глаза в глаза.

– Мы подъедем на «шахе» 47-ого, все впятером. Но выходим только я и 43-ий с 52-ым. 47-ой с 34-ым пока остаются в машине, паркуются где-нибудь поблизости, и изображают, что их в салоне и вовсе нет.

– А второй букетик кому? – улыбнувшись, перебивает Старшего Мишка.

Варяг смотрит на него с явным неодобрением, и под его взглядом разом стухает, уходит с лица озорная улыбка Боксера. Дождавшись, когда Мишка полностью стухнет и ви-

новато опустит глаза, Варяг продолжает, как ни в чем ни бывало:

– Мы втроем входим в подъезд. Легенда прикрытия та же, что и у первой группы. И букетик нам для этого как раз пригодится, 52-ой. Ты, как самый любопытный его и понесешь.

– Что Мишаня, довыпендривался! – хмыкает за спиной Боксера Горох, и тут же осекается под жестким, почти ненавидящим взглядом Старшего Брата.

– Это еще что сейчас было? – Варяг говорит по-прежнему тихо и размерено, но перекатывающиеся по скулам желваки и опасно сузившиеся глаза, ясно дают понять, что на этот раз он всерьез разозлен. – 47-ой, ты вроде не пионер, не карлан дешевый, а косячишь, словно молодой. Сколько раз уже говорено, во время акции никаких имен и прозвищ, только личные номера. Или надо еще раз повторить с тобой курс молодого бойца?

Теперь уже Гороху приходит черед прятать глаза, виновато шмыгать носом и заливаться краской стыда. Но этот не таков чтобы смолчать, даже когда явно не прав.

– Так мы пока вроде не на акции...

На этот раз на него уже осуждающе косится вся компания, парни качают бритыми головами с явным неодобрением.

– Акция, 47-ой, чтоб ты знал, начинается в тот момент, когда ты выходишь к месту встречи, а заканчивается, когда ты полностью сбросил все палево и благополучно прибыл на базу. Так что наша уже давно идет, если ты сам не заметил.

Еще раз услышу от тебя слово не в кассу, отстраню на хрен, и в следующий раз позову не скоро. Все понял?

– Да, понял, понял, чего там...

– Всех кстати, касается.

Парни вновь согласно кивают, молчаливо признавая правоту Старшего. Да и чего там не признавать, понятно, что у Гороха язык без костей, вот и упорол косяка сам того не желая...

Неловкую паузу прерывает деликатным покашливанием Веня Сапер.

– Я вот чего спросить хотел. Мы «говно» для чего притаранили, дверь подрывать? Так с этим не очень хорошо выйдет, там у смеси бризантность маловата, сразу сказали бы для чего, взял бы пластик, он лучше подходит. А так...

Веня расстроено машет рукой. Он штатный подрывник Братства. Самый настоящий студент-химик, влюбленный во все, что горит, взрывается, отравляет и поражает разъедающей кислотой. Золотая голова и ей же под стать умелые руки. Любую бомбу Веня мог сработать на заказ из подручного материала, и каждый раз несмотря на солидный уже опыт подрывных работ, волновался как школьник на экзамене. Так ли, как нужно сработает его творение, останутся ли довольны поручившие ему работу братья. Вот и сейчас он искренне переживает, что из-за скрытности Старшего Брата, кажется, привез не совсем то, что нужно в данной ситуации.

– Не переживай, «говно», как раз то, что нужно, – по лицу

Варяга скользит тень чего-то похожего на нормальные человеческие чувства, делая его на секунду расслабленным, мягким, совсем не похожим на обычную чеканную маску.

Старшему нравится Веня, нравится его добросовестность, то, как Сапер переживает за свой участок работы и не стесняется это показать остальным.

– Дверь рвать мы не будем. «Говно» для другого нам пригодится...

– Не будем рвать дверь? – Андрей так искренне удивлен, что даже позволяет себе перебить Старшего. – А кто же нас внутрь студии пустит? Если там такое творится, то чужакам с улицы просто так войти не дадут.

– А мы прицепом войдем вместе с гостем, – зло оскаливается Варяг. – Наши ребята постарались, подсекли тут одного любителя незрелых яблочек. Тоже ара, кстати, несколько палаток на Комсомольской держит. Так вот, у него сегодня с Гаспаряном стрелочка забита на шестнадцать. То есть ровно через сорок три минуты. Понятно же, клиентура только по предварительным звонкам в такие места приезжает. Вот наши и подсели на трубу ихнего администратора, ну а дальше дело техники. Так что проходим в подъезд, дожидаемся клиента и вслед за ним входим, пока дверку не закрыли. Входим жестко, все равно никого кроме малолеток в живых оставлять не планируем, так что охрану, если подвернется, можно не жалеть, клиентов тем более.

– Так, а «говно»-то зачем, – Веню из всего сказанного вол-

нует только один вопрос, что ж Сапер, он и в Африке Сапер.

– «Говно», это потом, когда уходить будем. Вы с 47-ым спокойно сидите в тачке. Вот вам радейка, вторая у меня будет. Я на вас выйду сам. Говорим исключительно кодом, эту хрень, только ленивый не слушает.

Варяг извлек из объемистого внутреннего кармана джинсовки маленькую пластиковую рацию. Ерундовина, игрушка, можно купить пару рублей за пятьсот в любом салоне сотовой связи. Дальность действия от силы километр, но для акций больше и не надо, зато не требует регистрации, выделения специальных частот и позывных и прочей административной волокиты, плюс отследить практически невозможно. Прослушивать, и впрямь, может кто угодно, от фанатов-радиолюбителей, до тех же ментов, или «фэбов», только до фига ли толку с такого радиоперехвата, если вся информация закодирована цифрами и в эфире кроме них ничего не прозвучит. Иди потом, расшифровывай!

– Короче, как мы закончим, а уложимся, думаю, минут в пять-семь, я вас вызову. Поднимаетесь в квартиру с «говном», 47-ой, ты страхуешь 34-ого, мало ли как обернется, осторожность не повредит. В адресе ты, 34-ый, быстро минируешь, так чтобы был максимальный эффект, чем позже менты врубятся что реально случилось, тем лучше. Так что имитируем бытовуху, ну, взрыв газа с последующим пожаром, что ли...

Веня слушает Старшего Брата с отсутствующим выраже-

нием на лице, полностью уйдя в свои мысли. Он уже считает необходимый вес и плотность закладок, прикидывает наиболее выгодное их расположение, в уме проигрывая различные варианты подрыва.

– Подожди, Варяг, – неожиданно даже для самого себя произносит Андрей. – Может не надо взрывать, а? Жилой дом все-таки... Люди пострадать могут, соседи... Ну помнишь, как у меня крайний раз вышло?

Хотя вокруг все свои, проверенные парни, но напрямую о проведенной в автономе акции при них говорить все равно не стоит. Каждый должен знать только то, что должен и не больше. Еще одно жизненно важное правило организации. Впрочем, Варяг и так должен понять, что речь о погибшей во время подрыва салона черной магии девушке.

Старший несколько секунд рассматривает его с удивлением. Не с возмущением, не с пониманием, или хотя бы просто задумчиво, оценивая сказанное, а именно с удивлением, искренним и неприкрытым.

– А чего это ты взялся об «овоцах» заботиться, 43-ий? Раньше за тобой, вроде, такого не водилось? Знакомые в доме живут? Родственники?

– Да, нет, – раздраженно пожимает плечами Андрей.

Ему даже странно, что Варяг не понимает того, что он пытается до него донести. Странно и обидно за Старшего Брата, что тот такой толстокожий и непонятливый.

– Они ведь не виноваты, что хачи здесь творили такое? За

что же мы их будем взрывать?

– Как ты сказал, брат? – Варяг наклоняется к нему, развернувшись правым ухом и картинно прислонив к нему ладонь, чтобы лучше слышать. – Не ви-но-ва-ты?

Он произносит это слово по складам, как бы разжевывая каждый слог, пробуя его на вкус.

– А ты думаешь, брат, что они не знали, что в их подъезде делается? Не догадывались ни о чем? Ты всерьез так думаешь?

Андрей не найдя, что сказать в ответ пристыжено замолкает.

– Хоть бы одна блядь в милицию позвонила, – горько произносит Варяг, глядя куда-то поверх стриженных голов братьев. – Хоть бы одна блядь... Я уж не говорю, прийти по-мужски, да выжечь это кубло сучье. Куда там! Но хотя бы ментам звякнуть, пусть даже анонимно, если так страшно. А ты говоришь, не виноваты... Нет, брат, нету в России сейчас тех, кто не виноват. Потому что равнодушное быдло, считающее, что вокруг может твориться любая мерзость, лишь бы лично его не задело, куда больше виновно, чем те же ары. С этих что взять, мы им чужие, они нас жалеть не обязаны...

В подъезд, против ожидания вошли вообще без проблем. Во дворе дома было неожиданно пусто, не грелись на лавочках вездесущие бабульки-пенсионерки, не шлялись взад вперед с четвероногими любимцами собачники, даже в детской

песочнице никто не возился. Так что легенда о дне рождении студентки из 30-ой квартиры, не пригодилась. Всей гурьбой столпились на площадке между этажами, настороженно поглядывали в затянутое серой паутиной пыльное окно, ждали. Дверь в арт-студию маячила прямо перед глазами Андрея, добротная массивная сработанная на совесть из прочного железа. Таковую не вдруг выбьешь, даже учитывая феноменальные способности Сапера. А внутри наверняка найдется охранник с чем-нибудь стреляющим на кармане. Все же в этой конторе денежки крутились немалые, без присмотра их бросать дураков нет. Да еще, кто знает, может и этот ара, что любитель незрелых яблочек, тоже с телохранителями припрется. У них это модно сейчас. Не то чтобы реально чего-то опасаются, а просто друг перед другом красуются, крутизну демонстрируют. Мол, раз у меня охрана, выходит и сам я человек богатый и значительный, изволь мне дополнительное уважение оказывать. Рисовщики дешевые, одно слово Кавказ...

Андрей чувствовал, как по мере приближения равнодушно отмеряющей летящие в небытие минуты стрелки часов к заветной отметке, его все сильнее и сильнее колбасит знакомый предбоевой мандраж. Это вполне нормально, просто организм в усиленном ритме насыщается хлещущим заранее в кровь адреналином, не может правильно переработать и направить его чудовищные дозы и от того мокнут потом нервно дрожащие пальцы, разверзается где-то в животе

неприятно сосущая бездна, а в висках начинают колотиться злые, быстрые молоточки. Сам себе кажешься неуклюжим и неловким, ни на что неспособным, бессильным, тренированные всегда послушные мускулы наполняются безвольной ватной слабостью, а в сердце скребется когтистой лапой страх...

Андрей не первый раз участвовал в акциях и знал, что вся эта разбитость и неумелость лишь до первого броска, до команды Старшего: «Вперед!», а там уже не останется места ни слабости, ни неуверенности. Будет только жесткое, первобытное кто кого, и никакого уже шанса что-то переделать, исправить, отмотать назад... И тело почувствовав и осознав эту бескомпромиссность, окончательность происходящего начнет действовать само, четко и стремительно, раньше, чем медлительный мозг успеет оценить ситуацию и выработать какое-то решение, действовать высвобождая из мрачных глубин подсознания древние боевые инстинкты, загнанные в самый дальний и темный чулан мозга за ненужностью в современном мире...

Он мельком оглядел остальных. Нормально, как и ожидалось, спокойны и собраны, по-крайней мере внешне... Внутри, наверняка, тоже ощущают что-то подобное его ватной слабости и мерзкой нервной дрожи, но не подают виду... А так волнуются, конечно, каким бы ты ни был опытным бойцом, всегда волнуешься перед схваткой, потому что бой это всегда неизвестность, всегда бросок монетки на уда-

чу. Орел, или решка? Узнаем уже через несколько минут... И все твои навыки, опыт и умения, кропотливо наработанные долгими изматывающими тренировками, сейчас лишь маленькая гирька на весах удачи, и какая чаша весов перетянет сегодня решает всегда слепой случай... Потому и кажутся сами собой нервные желваки по скулам каменно-спокойных лиц, тискаются в нетерпении кулаки и подергиваются в нервном тике уголки губ и веки глаз. Это страх... И нет в том ничего постыдного, бояться в эти последние минуты – нормально... Так и должно быть... Не боятся дураки и покойники... Да еще разве что, Варяг... Андрей скользит взглядом по расслабленному лицу Старшего Брата, по мечтательно прикрытым глазам, по ползущей по щекам улыбке полной радостного предвкушения... Но Варяг дело особое, не типичное... На него ориентироваться не стоит. Он псих, сродни воинам-берсеркам, седой древности. Человек, сознательно сделавший смыслом жизни уничтожение врагов...

У подъезда мягко тормозит серебристая иномарка, какой-то навороченный джип, размером с легкий танк. Ну почему эти ребята считают, что ты тем круче, чем больше у тебя машина и массивней золотые цацки на шее и пальцах, а? Это что гиперкомпенсация, маленьких размеров члена, как решил бы старик Фрейд? Или просто дикарская любовь ко всему огромному, поражающему воображение размерами?

Ну, вот, как и следовало ожидать, из джипа выбрался кривоногий лысоватый коротышка, неуловимо напоминаю-

щий популярного американского актера Дени де Вито. Понятно, явное отсутствие мускулистой, внушающей окружающим почтительное уважение фигуры, мы компенсируем дорогими игрушками – свидетельствами успеха в другой сфере приложения мужских способностей. Высшая степень мужской сексуальности – пухлый кошелек на маленьких ножках...

Как только за хозяином захлопнулась дверь, чудо импортного автостроения, практически бесшумно набирая обороты, стартовало вдоль дома, явно направляясь к ведущей на улицу арке. Отлично, выходит, отпустил водилу, похотливый козел! Видно долго собрался развлекаться, со вкусом! Ничего, мы тебя сейчас развлечем! Так удовлетворим, на всю оставшуюся жизнь хватит, если она, конечно, у тебя будет, эта самая жизнь! Что сомнительно, очень-очень сомнительно...

Не глядя по сторонам, каким-то шестым чувством Андрей ощутил, как подобрались, напряжинились, готовясь к броску соратники, и сам потянул из-за пояса травматический пистолет. Все, остались последние секунды, до очередного прыжка навстречу смерти. В голове бушевал насыщенный адреналином шторм, раз за разом вздымался и обрушивался девятый вал кипучей неумемной энергии, нарастающей, копящейся внутри стонущего от напряжения тела, вот-вот обещающей перевалить критическую массу, за которой последует взрыв. Сухо щелкает предохранитель «Макарыча», в на-

ступившей тишине звук проносится громом. Тут же откликаются другие предохранители, встающие на боевой взвод под потными пальцами братьев. Травматы, левые, не зарегистрированные в ментовке, привезли с собой Горох и Веня. Они же доставили удобные туристические ножи с широкими крепкими лезвиями. Каждому по пистолету и ножу. К пистолету одна обойма, должно хватить с головой. Ножи закуплены где-то в области в неприметном спортивном магазинчике, все одинаковые, чтобы потом ментовские эксперты по характеру ранений не смогли привязать труп к определенной пике. Где взяли травму неизвестно, но тоже наверняка по левым, не поддающимся официальной отследке каналам. Это и есть те, самые «аргументы» о наличии которых Горох докладывал Старшему Брату на месте встречи. «Аргументом» с легкой руки Учителя члены Братства зовут любое оружие. «Наш последний аргумент в борьбе за веру предков, свободу и независимость», – так сказал когда-то Учитель. Сама собой всплывает в памяти легендарная надпись на стволах французских пушек: «Последний довод королей». Вот такие вот дурные ассоциации: аргумент, довод, почти синонимы, между которыми пролегли несколько веков. Из груди непроизвольно вырывается тихий смешок.

Тут же на плечо тяжело ложится рука Старшего: «Тихо, всех запалишь!». Андрей виновато кивает, понял, мол, мой косяк... Действительно, что за чушь лезет в голову перед боем!

Лязгает железными зубьями замка подъездная дверь. Слышны неторопливые размеренные шаги по лестнице, тяжелое запаленное дыхание армянина. Ага, дядя, животик ходить мешает? Физкультурой надо заниматься, батенька, бегать по утрам, тогда глядишь, здоровым помрешь... Впрочем, тебе уже не грозит... В смысле не грозит успеть подтянуть здоровье...

Варяг, отстраняющим жестом рук, заставляет всех податься к дальнему краю лестничной площадки, так чтобы их наверняка нельзя было увидеть снизу. Сам по-жирафьи вытянув шею, остается на месте, осторожно заглядывая вниз через перила. В глазах тускло мерцающие искры охотничьего азарта, поза напряженная, до предела напоенная взрывной, сдерживаемой до поры энергией, как у сделавшей стойку на дичь охотничьей собаки.

Короткий жест пальцами, едва заметное движение, но парни все понимают влет, извлекают из карманов и натягивают на головы респираторы. Теперь вокруг Андрея одинаковые пятаки на манер поросячьих, только зеленого цвета. Опущенные на лица капюшоны одинаковых темных толстовок делают братьев неуловимо похожими друг на друга близнецами. Тяжелое, с присвистом дыхание кажется слышно даже за дверьми квартир.

Текут последние секунды до броска... Вот уже сейчас, совсем скоро... Рот наполняется тягучей с металлическим привкусом слюной... Сердце проваливается куда-то глубоко-

ко в желудок, рождая внутри гулкую пустоту... В ушах барабанным ритмом шум бешено несущейся по жилам крови...

– Царю Небесный, Утешителю Душе истины, иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю! – сами собой шепчут губы, начальные слова молитвы Святому Духу.

И хлещет внутри освежающий ветер, уносящий прочь скверну сомнения в своих силах и неуверенность. «За святое дело встать легко и радостно», – ободряюще шепчет в голове мягкий наполненный добром и участием голос. И наливаются звенящей, требующей немедленного выхода силой только что бывшие дряблыми, ватными мускулы... Нарастает откуда-то из заповедных душевных глубин, распирает грудь ощущение собственной силы и могущества... Если Господь с нами, то кто против нас?!

Краем глаза Андрей замечает, как неодобрительно косится в его сторону Варяг, но не решается, не смеет прервать замечанием молитвы. И правильно, не смертному прерывать разговор с Богом, не жалкому червю, восставать против высшего существа... Невероятно обострившимися органами чувств Андрей не слышит, а скорее ощущает, как за металлической дверью невидимый за ней человек уже положил руку на головку торчащего в замочной скважине ключа. Слышит тихий скрип плохо смазанных ригелей покидающих свои привычные места под действием поворотного механизма. Чувствует, как начинает приоткрываться, отходя от ко-

сяка металлическая створка...

И лишь через томительно долгий, растянутый на часы, миг после этого хлопает в барабанные перепонки отраженный гулкими стенами подъезда крик Варяга: «Бей!» А потом низким фоновым гулом нарастает надрывный рев атакующих жертвы братьев. Больше нет необходимости прятаться и шептать и заключительные слова молитвы уже в полный голос взлетают к закопченным маршам лестничных пролетов верхних этажей, наполняются грозной силой, сотрясают грязные, неровно оштукатуренные стены, звенят, отражаясь от них, и летят все выше и выше, пробивая чердачные перекрытия и крышу, уносясь в облака, к небу...

– Прииди́ и всели́ся в ны и очисти́ ны от вся́кия сквѣрны, и спаси́, Бла́же, ду́ши на́ша!

А мускулы тем временем, не дожидаясь команд мозга, уже бросают Андрея вперед, и он летит вниз, туда, где только начинает поворачиваться на звук топчущих по ступенькам ног, оглушенный криком неуклюжий толстяк и открывает в изумлении рот, замерший в дверном проеме молодой чернявый парень, похожий смуглым лицом на итальянского мацо. Андрей летит, несется к ним, перескакивая разом через несколько ступенек, не глядя под ноги и даже не задумываясь о возможности сейчас споткнуться, упасть, разбивая о ступеньки голову, калеча руки и ноги... Такого просто не может быть, он не бежит сейчас, он подобно ангелу мщенья парит над ведущими вниз каменными ступенями. И, так же,

как ангел в этот миг он неуязвим, и нет в мире силы, способной остановить его!

Прямо перед лицом мелькает обтянутая вылинявшей на солнце почти белой джинсовкой спина Варяга, намертво отпечатывается в памяти каждой складкой, вырванной случайно из шва ниткой, пятном пота, проступившим подмышкой... Мелькает и тут же уходит из поля зрения. Варяг, невысказанно изогнувшись, бросает свое тело между пролетами, приземляясь, словно кошка, на все четыре конечности уже за спиной все еще ничего не понимающего армянина. Теперь путь отступления жертве надежно отрезан. Не уйдешь, гад!

А это что? Опомнившийся парнишка, походящий на смазливового итальянца, пытается захлопнуть дверь. До него еще метра три, в обычной жизни вообще не расстояние, такого даже не замечаешь, но сейчас это также далеко, как до края света. Нет, не успеть!

– Держи! – надрывно ревет кто-то над ухом.

– Стоять, сука! – вторит снизу уже поднявшийся на ноги Варяг.

Эти вопли на долю секунды парализуют «итальянца», не то чтобы он слушается приказа, но совсем на чуть-чуть замирает, осмысливая услышанное. Доля секунды, десятая, может быть сотая... Но ее хватает, чтобы решить исход дела не в его пользу. Удлиненная тупорылым пистолетным стволом рука Андрея вытягивается вперед. Указательный палец уве-

ренно жмет на спуск. Целиться не обязательно, да в такой горячке, к тому же на бегу, это практически бесполезно. Травматический патрон «Макарыча» заряжен плотным шариком из твердой резины, скорость его на срезе ствола почти равна скорости звука, энергия под сотню джоулей. При стрельбе в упор более чем достаточно. К тому же дурацким ментовским запретом стрелять из травмата в голову, Андрей естественно пренебрег, куда же еще стрелять, в ляжку что ли?

Грохот выстрела рвет воздух, многократным эхом раскатываясь по замкнутому пространству каменного колодца над головой. Палец автоматически дожимает спусковой крючок еще раз. «Когда стреляешь из пистолета, всегда стреляй дважды. Если прицел был верен, враг получит сразу две пули, а если в первый раз смазал, всегда будет шанс поправить дело вторым выстрелом. Не трать времени на прицел, просто дважды нажми на спуск». Въевшиеся в плоть и кровь наставления Учителя вбиты в мозг жестким непрерываемым алгоритмом.

»Итальянец», словно получивший нокаутирующий удар боксер, опрокидывается назад, тяжело всплеснув руками, будто пытаясь уцепиться за воздух, чтобы устоять на ногах. Второй выстрел настигает его уже в падении, удар шарика приходится куда-то в шею, под задранный подбородок. Отчетливо слышен мерзкий хлюпающий звук. Респиратор надежно отфильтровывает кислую пороховую вонь, но Андрей успевает заметить невероятно обострившимся зрени-

ем поднимающиеся вверх причудливо переплетающиеся сизые дымные струйки. «Как красиво», – мелькает в голове неуместная мысль. А в следующую секунду он уже подпрыгивает и с налету, вкладывая в удар весь вес тела, впечатывает рифленую подошву кроссовки в норовящую по инерции захлопнуться дверь. Тяжелая металлическая створка с визгом несмазанных петель отлетает в сторону, с зубовным скрежетом царапает подъездную стену. Путь свободен.

Влетев в просторный светлый коридор, Андрей по инерции добавил пару хороших пинков корчащемуся в судорогах на полу «итальянцу» и на миг замер, потерявшись в незнакомой обстановке.

– Правая сторона! Не тормози! Пошел! Пошел! – настигает сзади истошный крик, срывающего голос Варяга.

За плечом слышится тяжелое сбитое дыхание Мишки. Боевая двойка в сборе. Пора! Ну, Боксер, держи спину! Господи, помоги! Пошел! Пошел!

Дальнейшее Андрей запомнил в дискретном мельканье каких-то отдельных мало связанных между собой фрагментов, словно бы яркими вспышками выхваченных из сплошной темноты покрывшей все происходившее.

Вот он несется стремглав по просторному светлому коридору. Виниловые обои на стенах выкрашены пастельным мягким колером, под ногами приятно пружинит толстый ковролин. «Неплохо устроились, сволочи!» – стучит в висках злая отрывистая мысль.

Вот в ярком, залитом падающим из окна светом прямоугольнике входа в комнату появляется темный человеческий силуэт. Черный человек без лица делает шаг навстречу, кажется, он что-то кричит, но звуки вязнут в липком почти остановившемся, словно по заказу времени, оборачиваются низким рокочущим фоном, как при замедленном прослушивании магнитофонной пленки. Взлетают вверх темные размазанные тени рук, руки – крылья диковиной птицы, то ли угрожают, то ли, наоборот, в ужасе заслоняются от неминуемо приближающейся смерти. Разбираться некогда, палец дважды давит на спуск и человека откидывает с пути, ударяет головой о кремовую стену коридора, бросает под ноги на мягкий, гасящий звуки, пол. На стене остается жирной кляксой темный кровавый мазок, края его расплзаются, стекают вниз неопрятными неряшливыми потеками. Алая амеба на глазированной кремовой стене ползет куда-то по своим амебным делам, распуская в сторону щупальца-псевдоподии... Уродливая, но совсем не страшная...

В правой руке сама собой оказывается рукоять ножа, удобно устраивается в крепких объятиях пальцев, будто тут и была с самого рождения. Из мутной кровавой мглы выступает чужое горбоносое лицо, искаженное ужасом, расширенные до немислимых размеров глаза, огромные, во всю радужку зрачки, распяленный в крике рот...

– Не надо! Пожалуйста! Не на...

Остро отточенная сталь входит в горло легко, почти без

сопротивления, и крик обрывается булькающим хрипом. Кровь тяжелой струей плещет куда-то вбок, неестественно-яркая, алая, совсем такая же, как в кино. Не кровь, томатный сок, или кетчуп, кровь такой не бывает...

»Не страшно! Не боюсь! Господи, помоги! Не страшно!«

Широкое жало ножа больше не блестит, вымазанное по самую рукоять в на глазах темнеющей, застывающей красноте. Но это ничуть не мешает, лезвие входит под судорожно трясущийся подбородок так же легко, как и в первый раз. Третий, контрольный. На! Бульканье, хрип выходящего из грудины воздуха, алые пузыри на губах, на трясущемся подбородке, лопающиеся с противным чмоканьем и вновь вскипающие алой пленкой.

»Не страшно! Не боюсь!«

Рывок за шиворот, отбрасывает Андрея в сторону. Мишка протискивается мимо и рвется дальше, туда, где из приоткрытой двери в комнату льется свет. Все пора заканчивать, надо держать Боксеру спину, хватит возиться с этой падалью. Нож по-прежнему в руке, распрямившиеся ноги – пружины, швыряют тело вперед. Мишка уже за дверью. Вот и порог.

»Не страшно!«

– Чисто!

Ага! Значит, здесь никого и не стоит задерживаться! Дальше, к следующей двери. Рывок за ручку! Не понял! А, в другую сторону! Тоже нет... Что за на фиг?! Неужели замок? Точно вот внизу и скважина для ключа. Ну да, это же номера

для любителей малолетней «клубнички», конечно, двери в них запираются. Хотя бы для пущего спокойствия клиентов.

Короткий разбег в один шаг, больше не позволяет ширина коридора, и многострадальная подошва кроссовки в отличном стиле врубается в дверь, чуть пониже замочной скважины. Мае гери кияги, а может хиркоме... так примерно это зовется у японцев. Не суть, главное помогло... Дверь устояла, и замок не вылетел, а вот косячки у нас хреновенькие. С той стороны громкий треск лопающегося дерева. Дверь явственно подается вперед. Удар плечом с налету в верхнюю филенку, и путь свободен, дверь отлетела к стене, перекосившись в петлях. На полу выломанная коробка косяка, пыль, щепки и мусор... Ай-яй-яй, так запоганить дорогуший персидский ковер!

А это у нас кто? О, да это мы удачно зашли!

Открывшаяся за дверью картина, что называется, впечатляла. Видимо, комнаты для развлечения обладали неплохой звукоизоляцией, но забота о комфорте клиентов по крайней мере с одним из них сыграла сегодня злую шутку. Увлеченный оплаченным развлечением черноусый джигит, похоже, и понятия не имел, о происходящем в студии погроме. Во всяком случае, на вылетевшую дверь и появление в комнате чужака с респиратором вместо лица он отреагировал весьма своеобразно. Просто выпучил от удивления глаза и открыл рот, по инерции продолжая мощно поддавать вперед тазом, не сообразив даже, что стоило бы остановиться.

Андрей меж тем, тоже замер пораженный представшим перед ним зрелищем. Жаркий вал душной, животной ненависти шевельнулся в груди, намертво гася остатки рационального мышления, оставляя место лишь простейшим инстинктам: рвать, зубами рвать эту погань!

Девчухе на широкой кровати на вид было лет десять-двенадцать, может чуть больше. Длинные светлые волосы, в беспорядке разметавшиеся по черной шелковой простыне, искаженное страданием и болью ангельски кроткое личико с мягкими не тронутыми косметикой детскими чертами, тонкое молочно-белое тело изломанное, придавленное огромной густо поросшей черными волосами тушей. Утробное уханье черного, его ритмично движущаяся, сладострастно содрогающаяся задница, мощные лапы вцепившиеся клешнями в детские плечики и злобно оскаленные зубы довершили картину. Зверь в человеческом облике, жадно насилующий ребенка. После каждого его движения, девочка испускала мучительный стон, в широко распахнутых полных страдания глазах стояли слезы.

– Сука!

Андрей сам не помнил, как оказался рядом, как выронив из рук и пистолет, и нож, вцепился пальцами в густые черные пряди волос кавказца, как стаскивал его огромную тушу с кровати, хрипя что-то матерное. Черный был килограммов на двадцать тяжелее и гораздо массивнее, но это сейчас не играло никакой роли. Против взрывающегося изнутри от пе-

реполняющей его ненависти Андрея у него не было ни единого шанса.

– Не надо, брат! Не надо, не бей! – бормотал кавказец, закрывая лицо от градом сыплющихся ударов.

Андрей не слушал, оседлав поверженного врага, он все молотил и молотил его кулаками, не разбирая, куда придутся удары: по лицу, по закрывающим его ладоням, по потной волосатой груди. Главным было бить, бить не прекращая, с наслаждением слушать вопли и стоны избиваемого, чувствовать боль в разбитых, оцарапанных об обломки зубов костяшках.

Надрывно выл, всхрапывая от особо чувствительных ударов кавказец, кричала, закрыв глаза руками посреди широкой кровати голая девочка. Андрей не слышал ничего, мир пропал, растворился, схлопнулся до незначительной материальной точки, и этой точкой был черный, не человек, сам дьявол, которого следовало уничтожить, стереть, выдавить прочь из этого мира, превратить в не имеющую ни собственного вида, ни формы биомассу. Потому, несмотря на одышливую усталость, кулаки упрямо продолжают взлетать вверх и молотом опускаться вниз, дробя кости, расшибая, разбрызгивая сукровицей мягкие ткани.

– 43-й! Ты что, вольтанулся? Оставь его! Пошли дальше! Странные не несущие никакой смысловой нагрузки звуки. 43-й? Кто это? Не думать, не вслушиваться, это отвлекает от главного, надо бить, бить и бить эту мразь, уничтожить

сволочь, выдавить кулаками из этого мира.

Заскочивший в комнату на несколько секунд позже Андрей, Мишка Боксер, растеряно наблюдал, как 43-ий оседлав валяющегося на полу здоровенного кавказца, раз за разом вколачивает вдрызг разбитые кулаки в его физиономию. Черный уже не сопротивлялся, даже звуков не издавал, лишь подергивалась ритмично и страшно от побоев его голова, перекатываясь по пушистому ворсу персидского ковра из стороны в сторону. Кровяные сгустки разлетались вокруг метра на полтора, если не больше. В углу визжала от страха, сжавшись в комочек, голая девчонка. Впрочем, ее 52-ой едва удостоил взглядом, главная проблема сейчас была в не ко времени съехавшем с катушек напарнике, до малолетней поблядушки ли тут?

– Оставь его, он сдох уж, поди! Пошли! Пошли, нам еще дальше проверить надо!

Андрей не слышал, дышал хрипло, с присвистом, легкие работали как кузнечные мехи и все равно не могли насытить организм столь необходимым сейчас кислородом.

– Ах, ты!

Мишка попытался схватить напарника за плечо, но тут же получил по руке локтем и вынужден был отскочить в сторону.

– Ну, блин! Сам виноват!

Пользуясь тем, что сосредоточенный на кавказце 43-ий не глядел по сторонам, и не замечал ничего творящегося

вокруг, Мишка подобрался к нему сзади, и, улучив подходящий момент, левой рукой перехватил ему горло, прижимая затылком к груди, надавливая всем весом к низу, перекрывая дыхание, заставляя прекратить бессмысленное избивение.

Андрей затрепыхался в захвате, попытался отмахнуться руками, но, видно, был уже настолько ослаблен, что вырваться ему так и не удалось.

– Вот так... Тихо, тихо... – успокоительно шептал ему на ухо Мишка. – Все уже... Все... Давай, успокойся...

Кавказец, видно почувствовав, что его больше не молотят беспощадные кулаки, шевельнулся, глубоко вздохнув.

– А ты еще куда, урод?!

Реакция 52-ого была мгновенной, правая рука вытянулась над плечом Андрея, и зажатый в ней «Макарыч» дважды харкнул в лицо распростертого на полу человека. Окончательно превращая и без того прилично расквашенную физиономию в кровавую кашу с обломками костей вперемешку. Огромное тело кавказца содрогнулось, выгнулось дугой в мучительной попытке скинуть оседлавшую его смерть и обмякло, разом став рыхлым и мягким, словно кусок студня.

Когда ударившие из пустоты яркими просверками молнии поразили врага, Андрей облегченно вздохнул. Высшие силы пришли ему на помощь, Бог не оставил того, кого избрал орудием своего мщения. «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков», – успел выгово-

ритель 43-ий, чувствуя, как погружается в предвечный мрак, растворяется в нем.

– Аминь, – тяжело вздохнув, закончил молитву 52-ой, аккуратно оттаскивая потерявшего сознание товарища в сторону и прислоняя его к кровати. – Тут пока полежи, от греха подальше, малохольный...

В себя Андрей пришел резко, рывком. Не было никакого перехода между небытием и явью, просто открыл глаза и осознал себя полулежащим на мягкой, приятно пружинящей под его весом кровати. Осознал и все вспомнил, сразу же, во всех деталях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.